

ФРИНГ ХВОСТОМ

СТИВЕН КИНГ
ТАНИТ ЛИ
УИЛЬЯМ БЕРРОУЗ

МАЙКЛ МАРШАЛЛ СМИТ
ДУГЛАС КЛЕГГ
ДЖЕЙН ЙОЛЕН

Составитель Эллен Датлоу

Темная башня (АСТ)

Стивен Кинг

ФИНТ ХВОСТОМ

«Издательство АСТ»

Кинг С.

Финт хвостом / С. Кинг — «Издательство АСТ», — (Темная башня (АСТ))

От деликатного мурлыканья до внезапной царапины, войдите в темный тайный мир создания, которое уж точно не является лучшим другом человека – и которому, похоже, это нравится. В этом необычном сборнике двадцать четыре рассказчика заглядывают в загадочные глаза самой обыкновенной кошки и видят отражение – пугающее, нереальное и гротескное. От птичьих следов на пороге вашего дома до вопля в ночи, от хвоста до когтей – узнайте, кто они на самом деле... если осмелитесь.

© Кинг С.

© Издательство АСТ

Содержание

Предисловие[1]	6
А. Р. Морлан	9
И небо раем я не назову...[4]	10
Нэнси Кресс	19
Отдушина Мэриголд[7]	20
Сьюзан Вейд	33
Белая ладья, черная пешка[9]	34
Гейхэн Уилсон	56
Добрые друзья[10]	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

ФИНТ ХВОСТОМ
антология
Сост. Эллен Датлоу

TWISTS OF THE TALE:
AN ANTHOLOGY OF CAT HORROR

This edition is published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

- © Ellen Datlow, Terri Windling, 1996
- © Т. Покидаева, перевод на русский язык, 2019
- © Н. Эристави, перевод на русский язык, 2019
- © А. Комаринец, перевод на русский язык, 2019
- © Т. Перцева, перевод на русский язык, 2019
- © И. Гурова. Наследники, перевод на русский язык, 2019
- © И. Меньшакова, перевод на русский язык, 2019
- © Л. Бородина, перевод на русский язык, 2019
- © О. Захватова, перевод на русский язык, 2019
- © Ф. Гомонова, перевод на русский язык, 2019
- © К. Воронцова, перевод на русский язык, 2019
- © ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Эта книга посвящается:
Гордону ван Гельдеру,
который сказал, что ее делать нельзя
Моей тете, Эвелин Гейзенхайнер,
которая первой познакомила меня с созданиями из «Лили и Дины»*

Предисловие¹

Предполагается, каждый из нас – любитель либо кошек, либо собак! С чем ассоциируется у нас собачий образ? Верность, покорность, искренность... А кошки – тут дело другое. Тут ассоциации потемнее – своенравие, эгоцентризм, тайна...

Если отталкиваться от «Тигриного племени» Элизабет Маршалл Томас, приручены кошки были по чистой случайности – в результате «одомашнивания» полей и лугов. Научились люди снимать урожай зерна, научились его хранить – за зерном направились все местные крысы и мыши. Дикая кошка, в свой черед, тоже потянулась под крышу – в погоне за привычной добычей – и эволюционировала в кошку иных, таких, какими мы их знаем. «Одомашненные» полевые крысы, мыши и кошки распространялись сперва по Северной Африке, потом по Азии, Европе, а в конце концов – стоило людям обучиться кораблестроению и торговле – по всему миру. Есть, правда, и еще версия, по которой кошек приручали как «суррогатных детей»... уж больно схожи «плач» кошачий и плач человеческого младенца.

А вот после этого история домашней кошки принимает интересный оборот. Примерно за тысячу лет до нашей эры в Египте кошек (за умение изничтожать мышей) ценили столь высоко, что на их экспорт наложен был строжайший запрет, а уж убившего кошку ожидала и вовсе смертная казнь. Кошки – родня почитавшимся за свирепость львам, коих идентифицировали с самим богом солнца Ра (на древних папирусах он нередко изображается в виде огромного кота с кинжалом в лапе, поражающего Змея Тьмы Апопа) – обожествлялись также и как воплощение богини Баст, покровительницы деторождения для молодых, недавно вступивших в брак женщин. В Бубасте и Бени-Хасане обнаружены большие кошачьи кладбища. И, совершенно очевидно, кошек хоронили абсолютно с тем же церемониалом, что и людей.

В раннехристианской традиции «положительные» функции богини Баст передались деве Марии. Одна из старинных итальянских легенд даже утверждает: в яслях одновременно с Марией рождала кошка. А «Священная книга Арабии», составленная знаменитым фольклористом XIX в. Чарлзом Годфри Лиландом, именуется Диану «кошкой среди звезд-мышей». Однако христианство использовало и «плохую» кошку Египта – Сехмет, богиню-львицу, трансформировавшуюся впоследствии в Сфинкса, – и «кошку Греции», сотворенную богиней Дианой в противовес созданному братом ее Аполлоном льву.

Диана и ее кошка стали олицетворять «темные» фазы лунного цикла и получили всю атрибутику Гекаты, богини подземного мира, вдохновительницы темных, под покровом тьмы совершаемых дел. У христианских живописцев вошло в обычай изображать в сценах Тайной Вечери кошек, сидящих у ног Иуды.

Еще в X в. кошки «котиrowались» (опять же как истребители мышей) весьма высоко, особенно у ирландцев, валлийцев и саксов, – а зачастую полагались и животными магическими. Однако к столетию XIV Церковь под угрозой многочисленных ересей, идущих из Восточной Европы, объявила «охоту на ведьм» – в качестве «ответного удара» тому, что считала организованным заговором против себя. По ассоциации вину возлагали и на кошек. Их даже демонизировали – за вертикальные зрачки, за ночной образ жизни... Общий результат – кошки, все до единой, оказались в опале. В обычай вошли подлинные зверства: на Иванов день по всей Европе кошек запихивали в мешки и корзины и швыряли в костры, а пепел растаскивали по домам «на удачу». (Во Франции такое практиковалось до конца XVIII столетия.) А во время коронации Елизаветы I по улицам протащили – а потом торжественно сожгли – статую Папы Римского, внутри которой находились двенадцать живых кошек. Предсмертные вопли животных объяснили «криками демонов, овладевших Святым Отцом». Создавались и «коша-

---

¹ Introduction copyright © 1996 Ellen Datlow© Н. Эристави, перевод на русский язык.

чьи органы»: вместо труб к клавишам привязывались за хвосты двадцать кошек. На клавиши нажимали. Кошки – мяукали. А как насчет «Великого истребления» парижских кошек, затеянного в 1730-е гг. подмастерьями-печатниками, протестовавшими против низкой заработной платы?..

К концу XVIII в., однако, отношение к кошкам сравнительно улучшилось. Первыми в Европе «реабилитировали» их французы. Еще в середине XVII столетия при дворе кардинала Ришелье «состояли» дюжины кошек – и он даже завещал содержание тем, что переживут его. Французский астроном Жозеф Жером де Лалан назвал в кошачью честь созвездие (хотя имя «Felis» и не пережило XIX столетия). Знатные дамы расточали кошкам щедроты и основывали в их честь медали. В Англии кошек стал включать в свои портреты художник Уильям Хогарт – и они постепенно «сентиментализировались». В 1800-е гг. в Великобритании основали Королевское Общество Защиты животных от жестокости, в 1900 году аналогичное Общество возникло и в Нью-Йорке (в основном для вмешательства в трудную судьбу ломовых лошадей, но также и в защиту животных вообще, кошек – включительно).²

... Я узнала и оценила кошек не то чтобы очень рано. Росла я любительницей собак. В доме обретался дивный кокер-спаниель, и там, где жила (большой город, домашнюю живность на улицы не выпускают), я и кошек-то, считай, не видела. Все, что знала я об этих загадочных существах, – они гоняют и едят мышей (так в мультяшках моего детства было), а еще – моя тетя, жившая в Западной Германии, постоянно их описывала в своих письмах мне. Кошки эти (и тетя вместе с ними) постоянно попадали в трудные ситуации с соседями – и все из-за кошачьего свойства убивать птичек!

Только в Манхэттене (куда я перебралась в 1970-е гг.) благодаря соседке по квартире я свела первое близкое знакомство с кошками. Соседка въехала, незамедлительно приволокла в дом пару котят, прожила два месяца, решила, что Нью-Йорк ей не по душе, и отправилась в родной Энн-Арбор – а одного из котят (двух бы родители в дом не пустили) оставила мне. И внезапно я оказалась кошковладелицей, удочерила сразу вскоре и еще кошку, постарше, и заполучила, разумеется, череду загубленных птичек – однако крыша над моей квартирой обеспечивала моим кошкам несколько ограниченное пространство для прогулок. С тех пор кошки у меня не переводились, и, как ни странно, стоит мне впервые зайти в чей-то дом – так и жду: меня там встретит кошка. А если судить по историям, собранным в этой книге, я не первая и не последняя из «повернутых на кошках»!

Годы шли, и появлялись антологии «кошачьих историй» – научно-фантастических, фэнтезийных, детективных, реалистичных, умильных. Но лично мне интересен жанр «ужасов» – оттого и хотелось собрать наконец коллекцию «кошачьих историй» помрачнее и пооригинальнее. Ясное дело, абсолютно правильный «кошачий ужастик» – это «Черный кот» Эдгара Аллана По, но тут вы этот рассказ не найдете – полагаю, его и так слишком часто переиздают. Зато я включила в сборник два других переиздания: классический «черный детектив» Стивена Кинга и никогда ранее не входивший в сборники образец «поэзии в прозе» Уильямса Берроуза, впервые опубликованный дешевой брошюрой.

Чего я хотела? Историй о кошках – по самому широкому спектру. Изъясняясь метафорически, как в научной фантастике Сьюзен Уэйд, – «чуда мастерства». Борьба с огнем, теория хаоса, разрушение человеческих отношений.

Если поконкретнее – многое тут фокусируется на несчастных судьбах «аутсайдеров общества» и их кошек (хорошие примеры – рассказ Джоэла Лэйна и совместное творчество Коджа-Молзберга). Есть и черный, на грани, юмор – такой, как в «поэме фауны» Джейн Йолен или в истории Майкла Кеднама «Человек, который не щадил кошек». В общем, это антология, посвященная кошкам – необычным, интригующим, ужасающим. Но не жестоким, не замучен-

² Кошка (лат.)

ным. Хотя... есть и немного «кошачьих мучений», иногда – серьезных, иногда – просто диковатых. Есть и парочка-другая «плохих кошек». (Жестоких? Сильно сомневаюсь...)

Главное – не забывайте: перед вами сборник произведений в жанре «ужасов» и «саспенса».

Наслаждайтесь!..

Эллен Датлоу

А. Р. Морлан

Рассказы **А. Р. Морлан** (под ее собственным именем и тремя псевдонимами) опубликованы в более чем ста двадцати различных журналах, антологиях и веб-сайтах в США, Канаде и некоторых частях Европы. Ее рассказы собраны в сборнике *Femia Coperta*, опубликованном в Румынии в 2004 году³, и в *Smothered Dolls*, недавно опубликованным в США издательством *Overlook Connection Press*. Она живет на Среднем Западе, ее дом полон «детей» – кошек.

Любовь Морлан к кошкам проявляется в описании людей и их кошек. Меня так захватила история Хобарта Гурни и кошек Катца, что я позвонила автору и спросила, основан ли образ Гурни на реальном человеке: ответ был «да и нет». Морлан сказала, что персонаж был вдохновлен настоящим художником-маляром (который рисовал только рекламный текст, а не кошек). Прообразами всех кошек в этом рассказе стали реальные животные писательницы.

---

³ Здесь и далее для удобства читателей, произведения, официально непереведенные на русский язык, приводятся в написании оригинала. Все библиографические данные актуальны на 1996 год – год выпуска оригинальной антологии. – Прим. ред.

И небо раем я не назову...⁴

*В память о Бусинке, Мине, Дружке, Олли, Пудинге, Черныше,
Красавчике, Дымке, Присси, Миш-Миш, Дьюи, Рыжике, Золотце,
Счастливишке, Эрике, Милашке.*

Обычных кошек не бывает.
– КОЛЕТТ

Не так давно обычным делом было проехать по дороге Литтл-Иджипт, где Южный Иллинойс сходится с Кентукки недалеко от реки Камберленд, и увидеть за три-четыре часа езды пять-шесть вывесок с рекламой «Жевательного табака Катца». В расцвете лет Хобарту Гурни хватало работы. А теперь, если кому-нибудь вдруг захочется увидеть творение его рук, придется ехать или лететь в Нью-Йорк или, если повезет, можно попасть на передвижную выставку его работ. Если, конечно, экспоненты получают страховку. В конце концов, Гурни был своего рода Джексоном Поллоком мира сельского искусства: он работал с теми красками, которые у него были, с прицелом на то, чтобы быстро выполнить работу и еще быстрее получить за нее плату, поэтому с вырезанными кусками стен амбара приходилось обращаться со всей осторожностью, словно они были сделаны из сахарной ваты и паутины, а не облезшей краски на сгнивших досках. Однажды кто-то мне сказал, что к сохранившейся рекламе Катца на амбарах нужно относиться так же, как к реликвиям из египетских гробниц, – теперь бы это пощекотало самолюбие старого Хобарта Гурни, как выразился бы он сам.

Да уж, и дело не столько в сохранении, сколько в сравнении с Египтом, поскольку Гурни не просто зарабатывал на жизнь рекламой «Жевательного табака Катца» (не говоря уже о том, что он потратил на них почти всю свою жизнь); он жил ради «Кошек Катца».

И умер тоже за них. Но это уже другая история... Та, которую вы не прочтете ни в одной книжке с фотографиями рисунков рекламы Гурни, не услышите в передачах на PBS или в журнале «Искусство и развлечения», в рассказах о его жизни и работе. Но эта история может соперничать с любыми рассказами о египтянах, поклоняющихся кошкам... тем более что Хобарт знал, что его кошки не боги, но все равно их любил. А еще потому, что они любили его...⁵

Когда я познакомилась с Хобартом Гурни, я думала, что он – просто очередной старик, которых полно почти в каждом городке в сельской глубинке; вы таких точно видели – стариков ниже среднего роста, в брюках с широкой талией и длинными штанинами на подтяжках или ремне, затянутом так сильно, что едва можно дышать, с выдающимся позвоночником и плечами, заботливо нависшими над ключицами. Таких стариков, которые носят нарочито чистые бейсбольные кепки или, например, клетчатые береты с пушистыми помпонами, и как бы часто они не брились, у них с лица как будто не пропадает почти прозрачная щетина, запылившая тонкую кожу щек. Те самые, которые шаркают и медлят возле бордюров, а затем останавливаются и стоят, погрузившись в собственные мысли, едва сойдя с тротуара. Такой старик, который почти невидим, пока не начнет сплевывать мокроту на тротуар, и не из вредности, а потому что много лет назад это было обычным делом.

Я регулировала скорость затвора фотоаппарата, когда услышала, как он харкнул и сплюнул в двух футах от меня – с тем самым противным звуком, который полностью разрушает концентрацию. Это был тот самый день, когда облака закрывали солнце каждые несколько секунд,

---

⁴ “No Heaven Will Not Ever Heaven Be...” © Copyright 1996 by A.R. Morlan© Л. Бородина, перевод на русский язык.

⁵ Американская некоммерческая общественная служба телевизионного вещания. (Прим. ред.)

постоянно меняя количество естественного света, падавшего на сторону сарая, чей окрашенный бок я пыталась запечатлеть... не думая, я оглянулась через плечо и проворчала:

– *Извините*, я тут пытаюсь настроить камеру...

Старик просто стоял рядом, засунув руки в карманы брюк, мелкая темная капля слюны с табаком до сих пор свисала с щетинистого подбородка, он мягко глядел на меня из-под козырька бледно-голубыми глазами. Пошамкав потрескавшимися губами, он произнес:

– Ни одна уважающая себя кошка в жизни не станет позировать... Надо подкрадываться, пока они не смотрят.

– Угу, – поддакнула я, возвращаясь к огромному шестифутовому коту, нарисованному рядом с аккуратной подписью: **ЖЕВАТЕЛЬНЫЙ ТАБАК КАТЦА – ПЕРВОСОР-Р-РТНЫЙ**.⁶

Этот кот Катца был одним из лучших, которых я видела – в отличие от других реклам с кошками, например, кот Чесси с железной дороги, у Катца все кошки были разными: по цвету, позе, иногда на вывеске было даже несколько кошек. Этот рисунок был шедевром: серый тигр, по одному виду которого можно было сказать, что он мягкий на ощупь, кончики многоцветной шерсти были окрашены в белый, отчего кот словно лоснился на свету, с мягкой толстой гривой, которая говорила миру, что это – не кастрированный самец, достаточно взрослый, чтобы иметь несколько пометов котят, но не достаточно старый, чтобы метить все подряд или носить боевые шрамы. Молодой самец двух-трех лет. И глаза у него тоже были мягкие, доверчивые, бледно-зеленые с желтоватым оттенком вдоль овальных зрачков над серовато-розовым носом и ртом с едва заметными кончиками клыков. Он лежал на боку, так что были видны все четыре подушечки лап, каждая из которых была окрашена в что-то среднее между серым и розовым, немного того и другого, но цвета совсем не такие, как на палитре художника. Темно-коричневый хвост кольцом свернулся поверх задних лап. Но что – то в этой милой мордочке подсказывало, что этот кот не станет прыгать на руки по первому хлопку по груди и зову. Но... Учитывая то, что сам кот был в основном серым, а освещение на амбаре, на котором он был нарисован, быстро менялось, пришлось проверить, что скорость затвора отрегулирована, как надо, иначе у меня ни за что не получится запечатлеть этого кота Катца. А облака катились все быстрее и быстрее...

– Похоже, дружок сегодня не хочет фотографироваться, – услужливо сказал старик, сплевывавший табак, когда я на долю секунды упустила еще одну возможность запечатлеть изображение лежащего кота. Это была последняя капля. Оставив камеру висеть на ремне, я обернулась и спросила:

– Вы – владелец этого амбара? Хотите, чтобы я заплатила за фотографии или что?

Старик робко посмотрел на меня, в широко открытых глазах под тенью козырька читалась боль, и он ответил, жуя табак:

– Денежку за него я уж получил, но можно сказать, что этот кот – мой...

После этих слов все мое раздражение и нетерпение растаяли в тяжелом чувстве стыда и смешались с трепетным благоговением – этот старик в мешковатых брюках, по-видимому, был сам Хобарт Гурни, художник, который нарисовал все рекламы «Жевательного табака Катца», усеивавшие бока амбаров по всему Южному Иллинойсу и западному Кентукки. Человек, который перестал их рисовать всего два года назад, и только потому, что из-за возраста ему стало трудно подниматься и спускаться по стремянке. Несколько лет назад я видела передачу о нем на CNN, когда он рисовал последнюю или предпоследнюю работу для Катца, но большинство стариков, как правило, похожи друг на друга, особенно если все как один ходят в бейсбольных кепках и комбинезонах, забрызганных краской. Во всяком случае, работа производила на меня большее впечатление, чем человек, который ее создал.

---

⁶ Игра слов: в английском языке Katz's Meow созвучно с Cats Meow – «первый сорт» и, одновременно, «кошачье мурлыканье». (Прим. ред.)

Протянув руку, я сказала:

– Ой, простите за то, что я сказала... Я... я не это имела в виду, просто у меня осталось мало дней отпуска, а погода никак не хочет мне посодействовать...

Кисть Гурни была сухой и твердой; он жал мне руку до тех пор, пока она не стала ныть, и мне пришлось ее убрать. Он ответил:

– Без обид, я не обижаюсь. Думаю, наш дружок подождет, пока тучки разойдутся, и станет покладистее. Он спокойный, это я о дружке, просто стесняется при незнакомых.

По тому, как он сказал «Дружок», я поняла, что это имя, а не обобщающее слово для любого животного, которое попало под руку.

Судя по тому, как облака мчались по солнцу, я решила, что Дружка ждать придется долго, поэтому я показала на арендованную машину, припаркованную в нескольких ярдах от амбара, приглашая Гурни выпить со мною банку «Пепси» из холодильника на заднем сиденье. Брюки Гурни при ходьбе сухо шаркали друг о друга со звуком, похожим на тот, с каким кошачий язык облизывает голую руку. И когда художник говорил в тесном помещении, его дыхание, пропитанное табаком, тоже было каким-то по-кошачьи зловонным, диким и теплым. Старик наполовину вылез из машины, так, чтобы хорошо видеть своего Дружка, держа тело в относительном тепле салона. В перерыве между шумными глотками газировки он сказал мне:

– Как я уже говорил, ни одна уважающая себя кошка не станет позировать, поэтому единственный способ обойти это правило – нарисовать свою собственную. Память – лучшая модель...

Я чуть не поперхнулась «Пепси», когда он это сказал. Все это время я предполагала, что Гурни вдохновлялся какими-то амбарными кошками, бродившими по округе, но воссоздать таких точных, обаятельных кошек из памяти и воображения...

– Самое смешное, что когда меня наняли работать на компанию Катца в тридцатых, все, что их интересовало, – это выставить название на всеобщее обозрение самыми большими буквами, какие только получатся. Добавить кошек на рекламу Катца было моей идеей – мне за это не доплачивали. Но мне казалось, что так и надо, понимаешь? И это действительно привлекло внимание людей. И потом, кошки эти составляли мне компанию, пока я работал – стоять на стремянке порой очень одиноко, когда ветер задувает за воротник рубашки, а поговорить на такой высоте и не с кем. Было у меня что-то такое в детстве, когда я убирал амбар папы, а местные кошки, значит, терлись о мои ноги, мурлыкали и иногда запрыгивали прямо мне на плечи и так ездили, пока я работал. Только я не всем давал имена, понимаешь, потому что они вечно то приходили, то уходили, то коровы их давили – нет, не специально, не подумай, просто они были большущие, а кошки – махонькие, и зимой, по ночам пытались греться возле коров. Но я любил их компанию. Хочешь – смейся, но... – тут Гурни понизил голос, хотя вокруг не было никого, кто мог бы его услышать, кроме меня и огромного нарисованного Дружка на краю заброшенного амбара:

– ... когда я был маленький и даже уже не такой маленький, у меня была мечта. Я хотел превращаться в кота, ну, скажем, на ночь или около того. Настолько, чтобы свернуться калачиком с целой стаей кошек, четырьмя-пятью, чтобы все мы были одинакового размера и теплые от сена, чтобы мы спутались лапами, хвостами в одну теплую горку, и они лизали мне лицо, а потом зарывались головами мне под подбородок или я под них, и мы вместе спали. Нет ничего лучше для бессонницы, чем отдыхать с кошкой, мурлыкающей на ухо. Чистая правда. Как заведешь себе кошку, в снотворном отпадает надобность.

Вот поэтому я пошел устраиваться на работу в «Табак Катца», когда о ней услышал, хоть и не слишком люблю высоту. Конечно, Великая депрессия тоже серьезно повлияла на мое решение, но фамилия Катц была слишком хороша, чтобы пройти мимо... И то, что они не возражали, как я обходился с их рекламой, тоже было для меня блаженством. Мне было смешно, когда телевизионщики брали у меня интервью, пока я рисовал девчушек...

Слова Гурни заставили меня вспомнить альбом рекламы Катца, который лежал у меня в багажнике (не единственный, а запасной альбом, которым я пользовалась для справки, особенно когда натыкалась на амбар, который я, возможно, фотографировала раньше, при другом освещении или в другой сезон). Слишком волнуясь, чтобы что-то сказать, я встала с заднего сиденья и поспешила к багажнику, пока Гурни продолжал говорить о «самонадеянном репортершишке», которому он дал трехминутное интервью.

– ... он даже не спросил меня, как зовут кошек, как будто это не имело никакого значения...

– Этих «девчушек»? – спросила я, перелистывая страницы альбома, пока не наткнулась на фотографию одной из самых сложных реклам Катца, прикрепленную клейкими уголками: четыре котенка, прижавшиеся друг к другу в гнездышке, вытоптанном в соломенной подстилке, на заостренных маленьких мордочках было любопытство и некоторая недоверчивость, как будто вот-вот нырнут в солому, если подойти к ним хоть на шаг. Это точно был выводок амбарных котят, даже если не брать в расчет соломенную подстилку. Это были не ожившие плюшевые котята с рождественской открытки, резвившиеся с клубками пряжи, как у художника с Мэдисон-авеню. Это были дикие котята, такие, которых подманить к себе, чтобы обнюхать пальцы, – большая удача, пока они не сбежали и не спрятались по дальним углам пахнущего навозом амбара, где они родились. Такие котята, которые вырастают тонкими и длиннохвостыми и крадутся по углам, как живые тени, или подбираются сзади, словно прикидывая, ударить или нет острыми когтями по ботинку, прежде чем сбежать в укрытие. Из кошки, как вы знали наверняка, к трем годам эти котята выпьют все соки, а к четырем у нее отвиснет животик, и она станет очень осторожной.

Как только Гурни увидел увеличенную фотографию размером восемь на десять дюймов, его лицо засветилось, а сморщенные губы растянулись в широкой улыбке, открывшей то, что мой собственный дед называл «копеечными кусачками» – зубы поразительно одинаковой квадратной формы и изумительной белизны.

– Ты сфотографировала моих девчушек! Обычно они – те еще разбойницы, да и Присси с Миш-Миш так похожи, но у тебя получилось их поймать, ей-богу, да и свет выставила правильный...

– Стойте, стойте, дайте-ка я запишу, – сказала я, потянувшись через сиденье за блокнотом и ручкой на переднем пассажирском сиденье. – Так кто из них кто?

Его лицо засветилось той гордостью, с которой большинство мужчин его возраста демонстрировали фотографии своих внуков (или даже правнуков). Гурни показывал на каждого котенка по очереди, поглаживая снимки указательным пальцем нежно, ласково, как будто щекоча каждого под нарисованным подбородком:

– Это – Дымок, серый тигр, а вот это и есть Присси – видишь, какая она изящная, с лисьими узкими глазками и маленькими кисточками на ушках? А рядом с ней – Миш-Миш, и хоть они обе трехцветные, Миш пестрее, чем обычно бывает...

– «Миш-Миш»? – спросила я, не зная, как он придумал это имя. Ответ Гурни меня удивил – и тронул:

– Это имя я взял с бюллетеня «Милуоки Джорнэл», где размещались шутки и статьи, не вошедшие в другие категории... Там была статья о Ближнем Востоке, и в ней упоминалось, что арабы очень любят кошек, и вместо «кис-кис» они зовут кошек «миш-миш», что на их языке означает «персиковый цвет». Это потому что большинство их бродячих кошек персиково-рыжего цвета. Видишь на мордочке Миш-Миш большое персиковое пятно? Да уж. Я знаю, нам должно быть все равно, что думают эти арабы, их принято считать врагами и все такое, но ведь нельзя сильно винить людей, которые слишком любят кошек. Я слышал, что египтяне поклонялись кошкам, как богам, и делали из своих питомцев мумий, все в таком роде. Так что я даже не возражаю, когда их потомки, заботящиеся о своих кошках, говорят,

что ненавидят нас, – ведь человек, который способен ненавидеть кошку, вряд ли любит сам себя, вот как я считаю.

Прежде чем Гурни продолжил, я по памяти процитировала Марка Твена: «Если бы человека можно было скрестить с кошкой, он бы от этого только выиграл. Чего нельзя сказать о кошке...»

Теперь настала очередь Гурни смеяться, да так, что он слюной забрызгал воротник своей рубашки, потом он заговорил:

– Так вот, рядом с Миш-Миш лежит Тинкер, только по ее виду нельзя сказать, что это девочка, если учесть, что она всего двух цветов, но по личному опыту скажу, большинство серых кошек с белыми лапами, которых я видел, были девочками. Не знаю, почему так – это как не бывает белых кошек с черными лапами и грудью, хотя бывают черные кошки с белыми носочками и манишкой. Странно, как устроена природа, не правда ли?

Назвав мне имена «девчушек» (которые я должным образом записала в блокнот), Гурни начал листать остальную часть альбома, называя до этого безродных нарисованных кошек их именами, которые каким-то образом делали их настоящими. По крайней мере, для человека, который их создал: Мин с черным тельцем и белыми носочками, с милыми, ясными зелеными глазками и роскошным длинным мехом с парой колтунов на груди; трехцветная Бусинка с округлым серым подбородком и совиными желто-зелеными глазами; пушистые, как одуванчик, Стэн и Олли, черно-белые котята с окрасом под смокинг, один явно толще другого, но оба на шатких лапках и с маленькими ушками, совсем крохотные и такие милые, что так и хочется взять на ручки; и еще много-много других, имена которых не помнишь навскидку (слава Богу, что в тот день у меня в записной книжке было много чистых страниц), но как только он назвал каждую кошку по имени, я перестала смотреть на них как на «табачных кошек Катца». Например, зная, что Бусинка – это Бусинка, у меня рисовалась кошка со своей историей и характером... вы просто знали, что она, пока была маленькой, перекатывалась с места на место, влипала в разные истории, играла со своим хвостиком, да так, что начинала крутиться на полу, как волчок... И на мгновение кошки Гурни стали для меня больше, чем просто краской и воображением, в отличие от работ обычных художников с холстом и мольбертом или прирожденных художников рекламных щитов, легендарных, которые даже не пользовались синей разметной сеткой для создания крупных вывесок.

На самом деле, грустно, что репортер упустил суть работы Гурни. По-видимому, «самонадежного репортеришку» интересовало только то, сколько лет Гурни занимался своим делом.

Когда Гурни просмотрел последние фотографии амбаров, снятые мной и увеличенные, он застенчиво сказал:

– Надо признать, я польщен... Как будто я какой-нибудь художник-выпендрейщик из галереи, а не обычный работяга. Ты не подумай, я доволен... просто... Не знаю. Просто странно, что всех моих кошек засунули в книжку, а не оставили там, где они есть, на открытом воздухе. Как будто их вдруг одомашнили, а не оставили жить в амбаре.

Я не знала, что на это ответить. Я поняла, что Гурни был достаточно проникновенным, чтобы понять, что его реклама – произведения искусства. Да, ему не хватало красноречия и, скорее всего, образования, но его ни в коем случае нельзя было назвать невежей – он явно был растерян. С одной стороны, он родился в то время, когда работа была просто чем-то, за что вам платили, и все-таки, с другой стороны, то, что он дал интервью по телевизору и застал меня за съемкой его творений, указывало на то, что его работа отличалась чем-то особенным. Он никак не мог смириться с тем, что все вокруг подняли шумиху из-за того, что он сам считал оплачиваемым трудом.

Я осторожно подняла книгу с его колен и положила ее на скат между нами, прежде чем сказать:

– Я хорошо вас понимаю... Я работаю рекламным фотографом, фотографирую продукты для клиентов, и когда кто-то хвалит меня за композицию или что-то еще, это такое странное чувство... Тем более что я просто посредник между продуктом и потребителем...

Пока я говорила, водянистые бледно-голубые глаза Гурни метались по сторонам, и на мгновение я испугалась, что теряю его внимание, но вместо этого он удивил меня, сказав:

– Похоже, Дружок перестал смущаться... Солнце светит уже целую минуту.

Я быстро вылезла из машины и встала перед амбаром, Гурни был прав. Дружок больше не стеснялся, он разлегся во всей красе на солнышке на боку выцветшего амбара. Забавно, но даже несмотря на то, что надпись рядом с котом была сильно облуплена, на мехе был виден каждый волосок.

А за спиной Хобарт Гурни шумно отхлебнул газировки и повторил свои слова, как делали старики в любом городке:

– Вот такие дела, мой Дружок больше не стесняется...

Через пару часов я попрощалась с Гурни возле центра по уходу за взрослыми и квартирному комплексу для пожилых людей, где он жил. Даже не заходя, я знала, как выглядела его комната – односпальная кровать с потертым рваным покрывалом, несколько номеров большого печатного издания «Ридерз Дайджест» на прикроватной тумбочке и шкаф без дверей со скудным количеством одежды на обвязанных крючком вешалках, и, что самое печальное, – никаких животных, которые составили бы ему компанию. Это было такое место, куда щенков или котят приносили только тогда, когда редактору местной газеты срочно нужны фотографии пожилых людей с пледом на коленях – трогательный сюжет для внутреннего разворота в скучную неделю без новостей, с заголовком «Старики со зверюшками».

Это было не то место, где вдруг становишься маленьким и нежишься с выводком амбарных котят на подстилке из соломы.

С почти комичной формальностью Гурни поблагодарил меня за «Пепси» и за то, что я «позволила посмотреть на кошечек» в альбоме. Я спросила, часто ли он выходит, чтобы увидеть вывески лично, но тут же пожалела об этом, когда он беззастенчиво плюнул себе под ноги и сказал:

– Нечасто после того, как сдал свои водительские права... Рука уже не такая твердая, как раньше. Не держит ни кисть, ни руль. Однажды я чуть не сбил кошку, переходившую проселочную дорогу, и сказал себе: «Хватит, Хобарт», хоть кошка и успела убежать. Оно того не стоит...

Не зная, что еще сделать, я открыла заднюю дверцу машины и вытащила альбом. Гурни не сразу принял его, хотя я заверила художника, что у меня есть еще одна копия плюс негативы в моей студии в Нью-Йорке. То, как он провел пальцами по обложке альбома, словно искусственная кожа была мягким мехом в тигровую полоску, было для меня почти невыносимо. Зная, что не могу остаться и не могу больше на это смотреть, я попрощалась с ним и оставила его перед домом стариков с альбомом кошечек в руках. Я знаю, что должна была сделать больше, но что? Вот, правда? Я вернула ему кошек, но не могла вернуть прежнюю жизнь... И то, чем он поделился со мной, уже было слишком больно, особенно его откровение о маленькой мечте. Вот как часто даже близкие люди, например, старые друзья или семья, делятся такими личными, глубокими потребностями, тем более без просьбы? Как только узнаешь такие вещи о человеке, становится трудно смотреть ему в глаза, не чувствуя при этом, что на тебе очки с рентгеновским зрением, способные заглянуть ему в душу. Никто не должен быть настолько уязвим для другого живого существа.

Особенно тот, кого ты едва знаешь...

Через несколько дней после встречи с Хобартом Гурни, мой отпуск на Среднем Западе закончился, и я вернулась к себе в студию, чтобы превращать безжизненные образцы продуктов... во что-то потенциально важное для людей, которые не знали, что им нужна эта вещь,

пока не решили купить свежий выпуск «Вэнити Фейр» или «Космополитен», и наконец, полистать его после возвращения с работы. Не то чтобы я чувствовала ответственность за превращение неизвестного в существенное; даже если я оставляла у себя то, что фотографировала, для меня это мало что значило. Я могу ценить свою работу, уважать свой вклад... но я ни за что не стала бы раздавать клички бутылкам одеколона, если вы меня понимаете. И я завидовала Хобарту, потому что он был способен любить то, чем занимался, ведь был волен делать это так, как он хотел. А еще потому, что теперь владельцам уже не существующей фирмы «Жевательный табак Катца» было все равно, что он рисовал рядом с их логотипом (о, как много бы я отдала за такое благосклонное безразличие к моей работе!)

Но помимо этого мне было жалко Хобарта, потому что отпустить то, что полюбил, тяжело, очень тяжело, отчего окончание этого творческого процесса, наполненного любовью, воспринимается еще труднее, особенно когда заканчивать его не хочется. Что сказал старик в телеинтервью? Что он уже слишком стар, чтобы подниматься по лестнице? Наверно, для него это было так же тяжело, как и осознание того, что он больше не может безопасно водить машину...

И что самое смешное, меня не покидало ощущение, что если бы у него по-прежнему получалось взбираться на стремянку, то он все равно рисовал бы на амбарах этих кошек размером с человека, независимо от того, заплатит ему Катц или нет.

Честно говоря, я не могу сказать то же самое о том занятии, которым я зарабатываю на жизнь.

Я делала серию снимков новых женских духов в склянке, больше похожей на промышленный мусор в океане, чем на флакон для аромата с «зелеными верхними нотками и тёплой основой из корицы», что бы это ни значило, поскольку жидкость пахла дезодорантом из дешевого магазина. Как раз в этот момент зазвонил студийный телефон. У меня стоял автоответчик на фильтрации звонков, поэтому я могла слушать, не пропуская съемку... но я побежала к телефону, когда неуверенный голос спросил:

– Гм... это вы подбросили мистера Гурни домой пару месяцев назад?

– Да, вы говорите со мной, а не с автоот...

Женщина на другом конце провода начала без предисловий:

– Извините за беспокойство, но мы нашли вашу визитку в комнате мистера Гурни... Последний раз, когда его видели, он нес под мышкой альбом, который вы ему дали, перед тем как отправиться на прогулку, вот только до этого он неделю сидел дома...

Подступила тошнота, которая вскоре распространилась по всему телу. А в это время управляющая домом престарелых рассказывала мне, что никто в округе не видел старика после того, как его подвез кто-то на машине с канадскими номерами. И это, естественно, означало, что он может быть где угодно, но, вероятно, поехал в Нью-Йорк. Я покачала головой, хоть женщина и не могла меня видеть, и отрезала:

– Нет, мэм, даже не пытайтесь искать его здесь. Он далеко не уехал... Я в этом уверена. Если он не в Литтл-Иджипт, то за границей, в Кентукки... просто смотрит на рекламу табака Катца...

– На что?

Я прижала трубку к груди, пробормотала «глупая старая кошелка», просто чтобы успокоиться, а потом ответила:

– Он рисовал рекламу на амбарах... он прощается со своими работами.

И когда я это произнесла, я удивилась собственному выбору слов... даже мои инстинкты художника, те самые, которые разделяли мы с Гурни, подсказывали, что я все сказала правильно.

Несмотря на то, что женщина из дома отдыха получила от меня информацию, она так и не удосужилась перезвонить мне, когда было найдено тело Хобарта Гурни, наполовину погребен-

ное в скошенной траве возле одного из заброшенных амбаров с его любимой работой. Я узнала о его смерти вместе со всеми остальными, смотревшими CNN в тот поздний осенний вечер – там повторяли передачу о его последней или предпоследней работе по рисованию рекламы, вместе со странно-сентиментальным некрологом, который закончился крупным планом «девчушек», под которыми и нашли тело старика. Камера крупным планом показала Миш-Миш, ее пеструю рыже-серо-белую мордочку с персиковым пятном на одном глазу. Она была такой трогательной и в то же время такой реальной, что никто из зрителей, любителей кошек или нет, не понял бы, – и тем более не понял бы во время первого интервью для CNN, в котором явно показывалось, каким простодушным и неуклюжим Хобарт Гурни мог показаться снаружи (возможно, настолько, что это заставляло недооценивать его работы), – что Гурни был больше, чем великим художником: он был гением, легко сравнимым с Бабушкой Мозес или кем-то в ее роде.

Жан-Клод Суарес был первым человеком, который выпустил книгу, посвященную кошкам Катца, поскольку творения Гурни стали широко известны. Многие известные фотографы, в том числе Херб Риттс, Энни Лейбовиц и Аведон, приняли участие в этой коллекции; меня среди них не было, но я попала в другую коллекцию, собранную для одной из благотворительных организаций по борьбе со СПИДом. Затем появились специальные выставки наряду с теми, кого Гурни назвал бы «художниками-выпендрейниками», и даже ходил слух, что появится почтовая марка с его портретом, а еще с одной из кошек Катца.

Ирония в том, что я всерьез сомневаюсь, что Гурни на самом деле понравилась бы вся эта суеда, вызванная его работами; то, что он создал, было слишком личным. То, как он с любовью гладил фотографии своих «девчушек» в моей арендованной машине, и как он спонтанно поделился кошачьей мечтой из детства мальчишки, который чистил сараи от навоза столько лет – и амбарных кошек – назад. Но, по крайней мере, для меня была одна выгода от того, что его жизнь и его работы стали публичным достоянием: это дало мне возможность узнать, что на самом деле с ним произошло, без необходимости ехать в тот унылый маленький городок, где я его встретила, или смотреть на его практически пустую комнатку в дневном центре по уходу за взрослыми, больше похожую на клетку.

Его тело, почти закрытое длинной сухой травой, нашли полицейские прямо под стеной амбара, где он нарисовал «девчушек»; он свернулся на левом боку, почти в позе эмбриона, закрыв лицо обеими руками, как кошка во сне или на отдыхе. Предположительно это был сердечный приступ, но это не объясняло ссадины на открытом лице и руках: грубую, красную сыпь на теле, которую в конечном итоге объяснили укусами огненных муравьев. А еще «официальная» причина смерти не объясняла блаженное выражение его лица, которое описал полицейский в скорой помощи; не нужно быть врачом, чтобы знать, насколько болезненны сердечные приступы.

И не обязательно быть специалистом по кошачьим (особенно по большим), чтобы знать, что язык кошки может сделать с незащищенной кожей, особенно когда им в голову приходит, что надо лизать и лизать друг дружку, сбиваясь в теплую, пушистую кучу.

Может быть, Хобарт Гурни не собирался прощаться со своими творениями во время той самостоятельной экскурсии; может быть, он просто стал ностальгировать после просмотра фотографий, которые я ему дала. Странно, что он взял альбом с собой, ведь он не забыл имя ни единой кошки, которую создал, но опять же, никто никогда не узнает, что заставило его превратить работу эпохи Депрессии, за которую он взялся несмотря на нелюбовь к высоте, в нечто большее, чем работа всей жизни. Может быть, это мое решение собрать фотографии его работ в итоге привело к его смерти, о которой я услышала в новостях CNN. Но если это так, я не чувствую своей вины – в конце концов, Гурни не рисовал кошек уже много лет; правда, ничто не мешало ему рисовать их на холсте, но вряд ли Гурни стал бы этим заниматься.

Разве он не говорил, что это его работа – то, что от него требовалось? Сомневаюсь, что он бы стал рисовать для себя, это было неприменимо к его практическому уму, а еще я сомневаюсь, что он предвидел день, когда его кошек выдернут из тех самых амбаров, на которых они жили, заберут куски размером со стену и «одомашнят» их в музеях и художественных галереях по всей стране.

Или... может быть, он действительно об этом догадывался и знал, что его кошкам недолго осталось быть с ним.

И, учитывая надпись на его надгробии – кем сделанную, не знаю, вряд ли я была единственным человеком, который подозревает, что на самом деле произошло с Хобартом Гурни в длинной, сухой, смятой траве под «девчушками»... ибо вот что было высечено на его серой, как амбар, надгробной плите:

И небо раем я не назову, коль кошечки мои все следом не придут.

Могу лишь сказать, что надеюсь, что в этой длинной сухой траве ему было тепло, мягко и уютно рядом с его маленькими девчушками...

Нэнси Кресс

Нэнси Кресс – автор 23 книг: трех романов-фэнтези, одиннадцати научно-фантастических романов, двух триллеров, трех сборников рассказов, одного молодежного романа и трех книг по художественной литературе. Наибольшую известность ей принесла трилогия «Неспящие», первой книгой которой стали «Испанские нищие». Роман исследовал вопросы генной инженерии, социального устройства и неравенства. Ее рассказы завоевали три премии «Небьюла», «Хьюго» и премию Старджона. Роман *Probability Space* завоевал премию Джона Кэмпбелла в 2003 году. В 2007 году издательство *Golden Gryphon Press* выпустило четвертый сборник ее рассказов. Нэнси обучает писательскому мастерству в самых разных местах, включая частые встречи на конференциях *Clarion*. Она живет на севере Нью-Йорка с самым избалованным в мире карликовым пуделем.

Произведение «Отдушина Мэриголд» – приют для уязвимых, беспомощных. Живущие здесь коты – не центральные персонажи истории, но все вертится вокруг них.

Отдушина Мэриголд⁷

Он дрожал от холода, пытаясь уснуть. Мама укрыла его одеялом, однако обогреватель в машине опять не работал, и как он ни кутался в одеяло, согреться не получалось. Холодный воздух проникал откуда-то снизу, как раз из-под его сиденья. Наверное, где-то в днище была дыра. Очень даже может быть, что машина сломается на этой холодной дороге, и они замерзнут, как те мыши, которых он видел вчера на заправке. Он потянулся к руке матери.

– Тимми, я за рулем! Мы можем попасть в аварию!

Он убрал руку и спрятал ее между коленями, пытаясь согреть. Там же он держал и свою любимую наволочку, которая когда-то была ярко-синей. Мать говорила, что он уже большой мальчик, чтобы таскать ее с собой, но он все равно держал ее при себе, пряча от матери. Мать ничего не заметила, потому что была за рулем. Она всегда была за рулем. Уже два года почти все время за рулем – с тех пор как ему исполнилось пять лет. Тимми поежился от холода.

– Мы скоро приедем?

– Нет. Ты пока спи...

– Тут слишком холодно, я не могу заснуть.

– А я в этом что, виновата? – резко оборвала его мать.

Первые солнечные лучи желтыми полосками падали ей на лицо. Тимми вытянулся поперек сиденья, съжившись напротив окна. Стекло было покрыто изморозью.

Конечно, мама не виновата, что холодно. Она вообще ни в чем не виновата. Просто они убегают и прячутся от отца, нехорошего человека, который будет лгать Тимми, если сумеет его найти. Лгать и делать ему больно. В том, что холодно, виноват именно он, отец. Так же, как и во всем остальном, что происходит, когда они с мамой были в пути.

Тимми сел прямо, стараясь держать лицо подальше от замерзшего окна. Дорога стала более оживленной; появились дома и дорожные знаки. Может быть, это значит, что они уже почти приехали. Иногда мама не говорила ему всей правды. И в этом тоже был виноват отец.

Тимми понимал некоторые дорожные знаки; в прошлом городе, где они останавливались, он как раз пошел в начальную школу, и у него был самый лучший учитель, мистер Кеннисон. Все говорили, что он самый лучший. У него в классе было много учеников. Мальчишки из других школ завидовали Тимми. Хотя, конечно, в Дансвилле Тимми звали по-другому. Там он был Джоном. Тимми он был только в пути, когда они в спешке покидали очередной город, как вот сегодня утром. У Джона-Тимми даже не было времени упаковать свою коллекцию камней. Возможно, он никогда больше не увидит мистера Кеннисона снова.

От этой мысли ему захотелось заплакать, но он знал, что мама разозлится, если он снова заплачет. Она говорит, что он уже большой мальчик, а большие мальчики не плачут, тем более – так она говорит – ей тяжелее, чем ему, и он должен это понимать. Если он заплачет, она снова его ударит, а потом заплачет уже она. Поэтому Тимми не плакал, а напевал. Иногда это помогало. «Четыре мыши без одной погнались за фермеровской женой...»

– Замолчи!

Он перестал напевать и стал читать вслух дорожные знаки. Иногда это тоже помогало.

ОСТОРОЖНО: ДЕТИ! ОГРАНИЧЕНИЕ СКОРОСТИ – 20 МИЛЬ В ЧАС. ВПЕРЕДИ ПОВОРОТ. И еще один – ярко-желтый – знак с нарисованным на нем цветком: **ОТДУШИНА МЭРИГОЛД.** Тимми прочел его медленнее остальных. Он не знал, что на дорожных знаках можно рисовать.⁸

– Ну вот! В итоге это оказалось не так уж и далеко.

---

⁷ “Marigold Outlet” © Copyright 1996 by Nancy Kress. © Т. Покидаева, перевод на русский язык.

⁸ Мэриголд – цветок ноготок. (Прим. пер.).

Он мельком взглянул на мать. Она улыбалась. Он решил рискнуть.

– Ма, там написано «Отдушина Мэриголд». Что такое «отдушина»?

– Выход для чего-то, чтобы убежать. Как вода из пруда. Мы приехали, Тимми.

Она остановила машину. Тимми огляделся, но не увидел никакого пруда. Зато дом отличался от остальных, виденных на дороге: он был большой и совсем-совсем белый, с огромной лужайкой и окруженный деревьями. Богатый дом. Не такой, как другие. Тимми опять принялся напевать, однако на этот раз – тише.

– Ну давай, выходи из машины. Я не собираюсь нести тебя на руках!

Тимми медленно вылез из машины. Дом выглядел слишком богатым. Он незаметно стянул наволочку с колен и сунул ее в карман пальто. Ему нужно быть осторожным, чтобы мать не заметила, как карман оттопыривается. Тем более что карман был дырявым. Но он вовсе не собирался выкидывать наволочку, пусть даже мама его побьет, если узнает.

Высокая и худая женщина в очках в тонкой оправе быстро шла им навстречу через лужайку. В руках у нее была кошка, рыжая с белым, с длинной пушистой шерстью.

– Бэtti?

– Да, – ответила мама. – А вы Джейн?

– Да. Добро пожаловать в Отдушину Мэриголд. А ты, должно быть, Джон?

– Тимми, – ответила за него мать. Она очень пристально смотрела на шубу Джейн. Шуба была золотистой, как шерсть у кошки, и такой же пушистой и мягкой. Мама поплотнее запахла свое старенькое пальто, и ее губы сжались в тонкую линию. Тимми отошел чуть в сторону, стараясь не привлекать внимания. Джейн протянула ему кошку:

– Хочешь погладить Бутс? Она очень ласковая.

Бутс взглянула на Тимми большими желтыми глазами. Тимми осторожно положил руку ей на голову. Кошка заурчала, и Тимми внимательно посмотрел ей в глаза. В ее глазах что-то было... какое-то странное место, где-то очень глубоко внутри. Он погладил ее еще раз.

Мать оттолкнула его руку.

– Если вы не возражаете... мы с ним замерзли. Может, оставим все церемонии на потом? Джейн изменилась в лице.

– Прошу прощения. Идите за мной.

Она повела их через лужайку. Возле широкого чистого крыльца Бутс выпрыгнула у нее из рук и скрылась за углом. Тимми проводил ее взглядом, думая о том странном загадочном месте в глубине ее глаз.

Спальня была предназначена для него одного. Там стояла кровать с Суперменом на покрывале и двумя подушками, и еще была полка с книжками и игрушками. Тимми остановился в дверях и уставился в пол.

– Ничего здесь не трогай, – сказала мать. – Это не твое.

– Да нет, он может играть, с чем захочет, – сказала Джейн. – Я специально держу это для гостей.

– Я не хочу, чтобы он привыкал к тому, чего не может иметь, – резко оборвала ее мать. – Не все могут себе позволить жить так, как вы.

Тимми понял, что мама завидует. Мистер Кеннисон объяснил ему это слово. В школе было много детей, которые не учились в классе у мистера Кеннисона, но очень этого хотели. Они плохо относились к ученикам мистера Кеннисона, и он объяснил, что они завидуют. И сейчас мать говорила в точности как те дети. Тимми не хотел, чтобы его ругали, и поэтому не смотрел на игрушки. Он вошел в комнату и забрался на кровать с Суперменом.

– Снял бы обувь сначала, маленький ты засранец, – прошипела мать. Тимми видел, что она готова расплакаться. Он скинул ботинки. В последнем доме, где они останавливались, он спал прямо в ботинках, потому что боялся, что Эрик Чени, который жил там все время, их украдет. Эрик крал все, что плохо лежало.

– Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, – сказала Джейн матери. Выходя, мать хлопнула дверью. Тимми слышал, как мать и Джейн идут по коридору. Мать громко топала по полу. Он задумался о том, как долго Джейн будет терпеть их с мамой, прежде чем попросит уехать.

Когда он убедился, что мама уже не вернется, он слез с кровати и забрался на кресло-качалку. Он выглянул в окно и поискал глазами Бутс. Ее нигде не было видно. И тут дверь открылась и вошла Джейн.

Она побьет его за то, что он не в постели... как миссис Чени в том, предыдущем доме. Она отберет его наволочку. Она пожалуется матери... Тимми замер в кресле-качалке.

– Тимми, малыш, что случилось? Ты кого-то ищешь? – спросила Джейн.

– Нет!

Она подошла к нему. Тимми вздрогнул. Она остановилась.

– Ты ищешь Бутс?

Как она узнала? Мама никогда не знала, о чем он думает. Он настороженно посмотрел на нее. Джейн улыбалась.

– Бутс – хорошая кошка. Утром ты можешь с ней поиграть. Но сейчас у нее котята, и она не оставляет их одних надолго.

Тимми кивнул. Котята. Они, наверное, живут в том таинственном месте в глубине глаз Бутс. Там они в безопасности. Ему ужасно захотелось увидеть котят.

– Если ты все равно не спишь, может быть, сходим посмотрим котят? – спросила Джейн.

Он заставил себя промолчать. Это могла быть ловушка. Она хочет, чтобы он согласился, а потом побьет его за это, как иногда делала мать, когда была слишком уставшая или злая. Тимми сидел неподвижно, стараясь ничем не выдать своих мыслей. Но Джейн взяла его за руку и вывела в коридор, откуда они спустились в подвал. Тимми вдруг стало трудно дышать. Эрик тоже водил его в подвал, вместе с миссис Чени, и там... Он украдкой огляделся, высматривая путь к побегу.

Однако Джейн просто подвела его к большой коробке, где лежала, сверкая глазами, Бутс, и четверо котят сосали молоко у нее из животика. Два серых, один рыжий с белым, совсем как Бутс, и один пятнистый – черно-рыже-белый. Тимми осторожно погладил одного котенка, а когда Джейн на него не накричала, погладил еще раз.

– Они уже подросли и почти готовы покинуть Бутс, – сказала Джейн. – Может быть, хочешь взять одного себе? Насовсем?

Тимми немедленно убрал руку.

– Мама мне в жизни не разрешит.

– Я могла бы с ней поговорить...

– Нет, не надо! – Тимми резко встал. – Я хочу вернуться в комнату.

– Хорошо, – сказала Джейн. Она смотрела на него внимательно, но беззлобно. Точно так же, как иногда на него смотрел мистер Кеннисон.

– Ты можешь спускаться сюда и смотреть на котят, когда хочешь.

Нет, он не может спускаться сюда, когда хочет. Матери это не понравится. «Не распускай слюни, все равно этого у тебя никогда не будет! – говорила она. – Не заставляй меня чувствовать себя совсем уж плохой матерью, разве мало того, что мне и так уже хреново? Как мы живем?! И все это из-за тебя».

Тимми вернулся в комнату и лег в постель. Одеяло с Суперменом было мягким и теплым. Он очень устал, но еще долго лежал без сна, размышляя о добром и безопасном месте в глубине глаз Бутс.

– Он очень замкнутый, очень, – сказала Джейн в телефонную трубку. – И все же под этой робостью и забитостью тлеет злость. Очень сильная злость. Это чувствуется сразу.

Тимми подслушивал, спрятавшись в тесном шкафу под лестницей. В этом большом старом доме много мест, где можно спрятаться. За два дня он обнаружил их все.

– Я знаю правила, Клаудия. Не надо их мне повторять. Говорю же, я знаю... Да, я все понимаю, ей было трудно. Но говорю тебе: это не просто злость и раздражение от плохого отношения. Здесь нечто большее... Она бьет его, вечно ругает, она не способна ни к каким реальным контактам с ребенком. С первого взгляда я бы сказала, что она – пограничная личность с неустойчивой психикой и болезненной склонностью к нарциссизму... Нет, Клаудия, мне не надо напоминать о том, что нельзя осуждать жертву!

Джейн глубоко вздохнула. Она была действительно очень раздражена. Тимми еще сильнее прижал наволочку к щеке. В ней, как в колыбели, лежал котенок. Один из двух серых.

– Извини, Клаудия. Просто я рассердилась и сорвалась. Но я тебе говорю: это совсем другой случай, уж поверь моему опыту... я все-таки профессиональный психолог. Пожалуйста, просто прочти расшифровку стенограммы суда и скажи свое мнение. Я имею в виду, что не каждая женщина получает у нас убежище, пусть даже она платит деньги. Иногда попадаются такие особы, которых и женщинами-то назвать можно с очень большой натяжкой, а то, что они нам рассказывают, – просто наглая ложь. Нет, конечно, я понимаю, что ничего нельзя сказать наверняка, но меня – как профессионала – просто оскорбляет, что кто-то там мог подумать, что я вошла с ним в контакт без разрешения организации... Мне это просто обидно. Тем более что это говоришь мне ты. Но если бы ты видела этого ребенка... Нет, никогда. Ни разу. Я ни разу не слышала, чтобы он первым начал разговор. Он все время настороже. Весь такой напряженный... Я ни разу не видела, чтобы он улыбался. И она...

Котенок заурчал. А вдруг Джейн услышит?! Тимми в отчаянии попытался приглушить его урчание наволочкой. Котенок заурчал громче.

– Хорошо, Клаудия. Хорошо. На следующей неделе. Но, пожалуйста, прочти стенограмму и скажи, что ты думаешь. Спроси у Терри, тебе он даст.

Тимми стиснул котенка в наволочке. Надо, чтобы он прекратил урчать. Надо, иначе Джейн услышит и найдет его здесь, где ему быть не положено, и тогда... Его сознание ухнуло в черноту, в темное место, которое всегда было где-то поблизости, – в место, где жили плохие мысли. Его не должны тут найти! Тимми сжал котенка сильнее. Тот жалобно запищал.

– Клаудия, я тебе говорю, Тимми потенциально опасен. Именно потому, что он подавляет свое раздражение. Очень опасен. Если в ближайшее время он не найдет отдушины для своих чувств...

Плохие мысли обрушились на него темной волной. Тимми сжал котенка еще сильнее, и писк оборвался. Шкаф неожиданно показался ему слишком тесным и темным. Он затаил дыхание.

Джейн положила трубку. Он слышал, как ее шаги удаляются по коридору. Передняя дверь открылась и тут же закрылась. Тимми вывалился из шкафа, жадно хватая ртом воздух. Плохие мысли медленно убирались обратно в черноту... медленно, очень медленно.

Он залез обратно в шкаф и достал наволочку. Котенок лежал неподвижно. Вообще даже не шевелился. Тимми никак не мог отдышаться. Он боялся прикоснуться к котенку. Только не умирай, мысленно умолял он. Только не умирай.

Спустя пару минут котенок шевельнулся и слабо мяукнул.

Тимми бережно отнес его в подвал и положил в коробку к остальным котяткам. Бутс там не было. Он поднялся к себе в комнату и, скинув ботинки, забрался с ногами на кровать. Он сидел очень тихо, не шевелясь и не издавая ни звука. Иногда это помогало ему избавиться от плохих мыслей. Все, что для этого нужно, – это сидеть очень тихо. Не шевелиться. Не думать. Только напевать, чтобы песенка вытеснила нехорошие мысли... «Рассерженный фермер обстриг им хвосты. Сказал: не со злости, а для красоты...»

Какое-то время спустя к нему в комнату заглянула Джейн.

– Тимми, скоро обедать. Ты тут все утро сидел, у себя?

Тимми в ответ промолчал.

Джейн оглядела комнату. Тимми знал, что она ищет мать. Тимми не видел мать с прошлого ужина, когда она накричала на Джейн за то, что у нее такая красивая посуда. Он не знал, что делала мама сегодня утром и куда она подевалась.

– Хочешь сэндвич с арахисовым маслом? – ласково спросила Джейн. – А потом мы могли бы сходить посмотреть на котят.

Он смотрел вниз, на свои ботинки, стараясь даже не шевелиться.

Тимми нашел себе место на улице, за задней стеной гаража, под большим раскидистым кустарником, густые ветки которого свисали до самой земли, так что получалось некое подобие глубокой пещеры, даже несмотря на то что зимой на кустах не было листьев. В пещере было холодно, но Джейн подарила Тимми новое теплое пальто, ботинки и перчатки. Он хранил их в пещере, чтобы мать не увидела и не заставила его вернуть их Джейн. Он выходил из дома в своих старых вещах и переодевался уже в пещере. Через небольшую прореху в кустарнике ему было хорошо виден указатель с надписью: ОТДУШИНА МЭРИГОЛД. А самого Тимми было не видно.

Однако на третий день Джейн раздвинула ниспадающие ветки и пролезла в пещеру.

– Тимми? Прости, я могу войти?

Тимми уставился на Джейн, но ничего не сказал.

– Я только на минутку. Смотри, я принесла тебе подарок. Твоя мама сказала, что не разрешит тебе завести котенка и забрать его с собой, когда вы переедете в новый дом, так что я принесла тебе это.

Она положила на заснеженную землю какую-то коробочку.

– Мне ничего не надо.

– Может, сначала посмотришь?

Тимми опять промолчал. Коробочка была маленькая, металлическая и черная. На одной стенке было отверстие, закрытое стеклом, на другой – маленький переключатель и небольшая панель, закрывающая отсек для батареек. Джейн щелкнула переключателем.

Из коробки выскочила кошка.

Нет, не из коробки – кошка выскочила прямо через стенку коробки. Большая, золотисто-рыжая кошка, крупнее и ярче, чем Бутс. У нее были ярко-зеленые глаза. Она сделала круг – прошлась, высоко задрав хвост. Зеленые глаза внимательно оглядывали все вокруг. Потом кошка пошла по второму кругу, уже пошире, и когда она проходила рядом с ногой Тимми, он увидел, как ее хвост прошел сквозь джинсы. Кошка была сделана из света.

– Это голопроекция, – сказала Джейн. – И ты можешь ее никому не показывать. Пусть это будет твоим секретом. Проектор совсем небольшой, он поместится у тебя в кармане.

Кошка сделала третий круг, затем набросилась на мыш, которую Тимми не видел. Но кошка видела. Она отпустила добычу, снова догнала, поймала за хвост, а потом остановилась и села.

Тимми протянул руку и щелкнул переключателем на коробке. Кошка растворилась в воздухе. Он щелкнул еще раз, и кошка опять появилась. Пару секунд она просто сидела, а потом вновь начала ходить кругами.

Тимми дождался, пока кошка снова не сядет, и тоже присел и приблизил свое лицо к золотистой кошачьей мордочке. В глубине ее глаз – куда глубже, чем у Бутс, – было такое же доброе и безопасное место.

Доброе и безопасное место, куда никто больше не сможет попасть, потому что кошка сделана из света, а выключатель у Тимми.

– Теперь это твое, – сказала Джейн. – Как ты ее назовешь?

Тимми посмотрел на кошку, потом – на указатель, видневшийся за свисающими ветками кустарника. Указатель с названием города и красивым цветком, нарисованным от руки.

– Тимми, – мягко повторила Джейн, – как ты ее назовешь?

– Мэриголд, – сказал Тимми.

Он играл с Мэриголд каждый день. Не в пещере под кустарником, потому что теперь это было уже не его потайное место, а под кухонным крыльцом, куда можно было пролезть через сломанную решетку; в шкафу под лестницей; за длинным диваном в библиотеке, где пахло старыми книгами; на самом верху лестницы, ведущей на чердак; среди деревьев вокруг дома, где действительно обнаружился ручеек, вытекающий из большого пруда. И никогда – в подвале, где жили Бутс и котята. Теперь ему не нужна была Бутс. Мэриголд была лучше. И она никогда не мурлыкала.

Тимми часами наблюдал за ней, сотканной из золотого света, с огромными зелеными глазами. Он ходил за ней кругами и напевал ей: «Четыре мыши без одной погнались за фермеровской женой...»

Мама уехала на три дня. Когда она вернулась, ее шатало и даже стошнило на ковер в столовой. Тимми, спрятавшийся в буфете среди коробок с растворимыми супами, наблюдал, как Мэриголд ходит бесшумными кругами сквозь углы коробок.

– Бетти! – воскликнула Джейн.

– Твоя уборщица... уберет... – Голос у матери дрожал.

– Вы не хотите узнать, чем занимался ваш сын, пока вы три дня пьянствовали?

– Уверена... о нем ты позаботилась.

– Да. Позаботилась. Но вам не кажется, что это ваша задача?

– Конечно, сука. Мне кажется. Так что... даже и не думай, что ты его у меня отберешь.

Голос Джейн изменился. Теперь она была не похожа на ту добрую Джейн, которая подарила ему кошку из света.

– Вы посмотрите на себя! Какая вы мать?! Вы вообще недостойны иметь такого сына, как Тимми. Вы хоть понимаете, что вы с ним делаете? Вы бежите не для того, чтобы защитить сына от жестокого отца. Это у вас такое оправдание для жалости к себе и для того, чтобы жить за счет добрых людей, которые терпят вас исключительно из-за Тимми... – Джейн издала странный звук, и ее голос опять изменился, стал напряженным и жестким. – Прошу прощения. Это было непрофессионально с моей стороны. Но, Бэтти, вам нужна помощь. Нет, я вам помочь не смогу. Но я знаю одного человека, который помог бы вам почувствовать себя лучше. Коллега, которому я доверяю. Он действительно очень хороший...

– Правда? Он действительно... «очень хороший», Джейн? Как это мило с его стороны. Знаешь что?! Шла бы ты на хрен с твоей добротой. У нас с Тимми все замечательно. И нам не нужна ничья помощь, и уж тем более – помощь такой вот хорошей и доброй тетушки с зажатой задницей, с твоим большим домом, и плоскими сиськами, и идиотским желанием всем помогать. Знаешь, что тебя действительно напрягает, сука? То, что я не собираюсь кланяться тебе в ножки и целовать тебе задницу, как это делают остальные, которым ты так любезно помогаешь... мы уезжаем, мы с Тимми. Больше ты нас не увидишь.

– Вы не можете забрать Тимми, пока Клаудия не подготовит документы и...

– Да?! Не могу?! Тимми! Тимми, черт тебя подери, ты где?

Тимми выключил Мэриголд и спрятал коробку в карман. Он слышал крики матери, которая била посуду и переворачивала мебель в столовой. Потом она вышла в коридор, и Тимми услышал, как она открывает дверь буфета. Он попробовал забиться за ящик, однако там не хватало места. Тимми засунул наволочку в другой карман. Дверь буфета резко распахнулась, повиснув на одной петле. Мама схватила его за шиворот и вытащила наружу.

– Прячешься и подслушиваешь! – закричала она. Ее лицо было все перекошено, и от нее плохо пахло. – Видишь, сука, что мне приходится выносить?! И ты еще обвиняешь меня, как и все остальные! Прячется, и подслушивает, и шпионит за мной, и нет от него никакого спасения! – Она потащила Тимми за руку к выходу. Ему было больно. Тимми попробовал освободить руку, но от этого стало еще больнее. Но он не плакал. Потому что он знал: если он сейчас заплачет, мать его ударит.

– Отпусти его! – крикнула Джейн и ударила маму по руке. Мама его отпустила. Джейн ударила маму еще раз. И еще раз. Мама расплакалась. Мама закрыла голову руками. Тимми попытался отползти в сторону и вдруг почувствовал, что в комнате есть кто-то еще, кто-то большой. Он замер на полу.

– Какого черта здесь происходит? – спросил отец. Джейн медленно поднялась с пола. Ее лицо было уродливо красным. Очки разбиты, юбка порвана.

– О Господи... Мистер Коллинз?

– Что здесь...

– Простите, пожалуйста. Ох, простите. Я Джейн Фаркхар, я вам звонила, чтобы вы приехали...

Отец ничего не ответил. Тимми взглянул на него снизу вверх и все вспомнил. Джейн сняла разбитые очки и поправила порванную юбку.

– Я очень рада, что вы приехали, мистер Коллинз. Ситуация резко ухудшилась, ваш сын крайне нуждается в вас. Бэтти просто не может... она... – Джейн запнулась.

Отец подошел к лежащей на полу матери. Ее глаза были закрыты. Лицо отца побагровело. Он свирепо взглянул на Джейн:

– Какого хрена вы с ней сотворили? Вы что, не знаете, что она больна? Мать вашу, что с вами такое?!

Тимми закрыл глаза. Но он чувствовал, когда отец смотрел на него. Он действительно это чувствовал.

– Тимми. Ты здесь – единственный мужчина. Разве я тебе не говорил, что это твоя обязанность – заботиться о матери?

Он сидел среди деревьев, у ручейка, который он про себя называл отдушиной. Хотя на самом деле это был самый обыкновенный ручей. Он не взял с собой ни Мэриголд, ни наволочку. Он не хотел, чтобы с ними что-то случилось. Он ждал, напевая: «Рассерженный фермер обстриг им хвосты. Сказал: не со злости, а для красоты...»

Может быть, Джейн найдет его первой, но он в это не верил. Отец всегда находил его, в любом городе – так же, как он нашел его в Дансвилле, когда он выходил из класса мистера Кеннисона. Именно так все всегда и происходило. Папа их находил, а потом вроде как давал им с мамой время уехать, и они с мамой садились в машину и ехали в другой город, и мама звонила из телефонов-автоматов в какую-то организацию, и там ей говорили, куда ей ехать. Но сейчас до этого было еще далеко. Сейчас отец их нашел.

– Тимми. Ты меня очень подвел.

– Прости, папа, – сказал Тимми, хотя знал, что это не поможет. Никогда не помогало.

– У твоей матери не все в порядке с головой. Я тебе говорил. Я говорил тебе в Дансвилле, что это твоя обязанность – заботиться о матери, чтобы она не волновалась, пока я не закончу с делами и не смогу забрать вас домой. Я тебе это не раз говорил, да, Тимми?

– Да. – Тимми пытался думать о Мэриголд, о добром и безопасном месте в глубине ее глаз. Но он не видел его, не чувствовал. Он очень сильно дрожал. А чтобы туда попасть, нужно быть спокойным и тихим.

– Ты подвел меня, Тимми. Ты подвел нас обоих. И ты это знаешь, не так ли, сынок?

– Д-а-а-а-а.

– И я даже не могу тебя наказать, пока мы не уедем отсюда. И все из-за этой суки Джейн Фаркхар, которая лезет, куда не просят. Ладно, сейчас она нам мешает. Но ты же знаешь, что я все равно тебя накажу, когда мы уедем отсюда, да, Тимми? И ты понимаешь, что это все – для твоей же пользы. Ты понимаешь?

– Д-а-а-а-а-а.

– Если мальчик не может защитить женщину, из него вырастет плохой мужчина.

Тимми ничего не ответил. Отец развернулся и пошел обратно, вдоль Отдушины Мэриголд, которая на самом деле была обыкновенным ручьем. Тимми слышал, как хрустит снег у него под ботинками. Дрожь никак не проходила. В другое время отец бы не стал выжидать. В другое время он бы сразу его наказал. Для его же пользы. Тимми дрожал. Ему было холодно. Очень холодно.

– Это судебное постановление, запрещающее вам приближаться к нему, – сказала Джейн. Рядом с ней стоят полицейский и еще какой-то мужчина в черном костюме с дипломатом. – До слушания дела Тимми останется под моим попечительством. Если вы приблизитесь к нему на расстояние менее двухсот футов, вас арестуют.

Мама стояла рядом с отцом. Рядом с ним она выглядела совсем маленькой. Она была в новом платье, ее волосы были расчесаны, а лицо было очень бледным. Она ничего не сказала. Когда папа был рядом, она почти всегда молчала. Она смотрела в пол и улыбалась своим мыслям. Мать и отец держались за руки. Джейн откашлялась.

– Из всех нездоровых психологических зависимостей... – Она резко расправила плечи. – А теперь уходите, вы оба.

– Мы это запомним, – сказал отец. – Тимми, сынок, скоро мы тебя заберем.

– Только не в этом штате, – сказала Джейн.

Тимми слышал, как машины отъезжают от дома: сперва машина матери, потом – отца. Вот так все всегда и происходит. Он будет ехать за ней, не выпуская ее из виду до самого дома.

Так все всегда и происходит. Но такого не было еще никогда – чтобы мама с папой оставили его с какой-нибудь чужой тетей. Это было что-то новенькое.

Джейн встала на колени рядом с Тимми.

– Ты теперь в безопасности, понимаешь? Они больше не смогут вернуться и как-то тебя обидеть. Мистер Джекобсон, адвокат, – он им не даст тебя обидеть... и офицер Френч, и я. Со мной ты в безопасности, Тимми. Ты понимаешь?

Тимми смотрел в пол и молчал.

– Хочешь, сходим посмотрим котят? Все трое уже подросли.

Все трое. Их было четверо. До того дня, пока серый котенок – один из двух серых – не начал мурлыкать в буфете.

Джейн как будто поняла, что сказала что-то не то. Тимми отвернулся и пошел наверх. Коробка с Мэриголд лежала у него в кармане. Он никогда больше не будет смотреть на котят. Никогда.

– Тимми, – окликнула его Джейн. – Тимми, малыш, если тебе будет что-нибудь нужно, ты обязательно мне скажи, хорошо?

Тимми ничего не ответил и даже не обернулся.

Ночью он проснулся в холодном поту. Их здесь нет. Их действительно здесь нет: ни матери, ни отца. Они не спят в отдельных комнатах, как спали дома, и не спят вповалку голыми, как спали в пути. Но плохие мысли по-прежнему были здесь, в голове у Тимми, и он не знал, как их прогнать. Теперь они стали еще настойчивее. Теперь ему не от кого больше прятаться. Матери рядом нет. И отца тоже. Все его потайные места теперь раскрыты, и пло-

хие мысли приходят... «Рассерженный фермер обстриг им хвосты. Сказал: не со злости, а для красоты...»

Иногда плохие мысли превращались в плохие сны, и он просыпался с криком. Его рот был зажат его старой любимой наволочкой, чтобы никто не услышал крика. Его руки делали это сами, пока он спал.

Тимми вылез из кровати, включил Мэриголд и стал смотреть, как она ходит кругами и играет с невидимой мышью. Но круги ему нравились больше. Он мог опуститься на пол, приблизить лицо к ее мордочке и увидеть то доброе и безопасное место в глубине ее глаз.

Но он не мог попасть в это место. Никогда, никогда.

– Его внутренние защитные барьеры потихонечку рушатся, – сказала Джейн в телефонную трубку, – но реального прогресса пока никакого. Господи, на это больно смотреть... Он видится с доктором Ламбертом три раза в неделю, но пока не сказал ему ни единого слова. И он ничего не ест.

Тимми теперь заставлял Мэриголд ходить кругами все больше и больше. Все утро, весь вечер и еще – по ночам, когда он не мог заснуть. «Четыре мыши без одной, погнались за фермеровской женой...»

– Ему нужна отдушина для его злости, – сказала Джейн в телефонную трубку. – Господи, это ужасно!

Мэриголд ходила кругами, задрав свой пушистый хвост.

– Тимми, малыш, тебе надо поесть.

Она не понимает. Еда помогает плохим мыслям. Когда он поест, его сознание превращается в сытое место, куда нравится проникать плохим мыслям. Когда он ничего не ест, его сознание им не нравится – оно становится слишком чистым и полным света, такого же золотистого света, из которого сделана Мэриголд.

– Тимми, если ты не поешь, мы будем вынуждены отправить тебя в больницу. Малыш, ну пожалуйста, съешь хоть чуть-чуть.

Иногда Тимми видел Мэриголд – как она ходит кругами, с высоко задранным хвостом, – даже когда она была выключена. Но включенной она была лучше. Если он и сумеет когда-нибудь оказаться в том безопасном месте в ее глазах, то это будет только тогда, когда Мэриголд включена.

– Ему нужен катарсис, – сказала Джейн в телефонную трубку. Ее голос был странным, жестким и отчаянным. Тимми прятался в буфете. Голос Джейн был похож на голос матери, когда она хотела, чтобы он ее слушался.

– Да, Марти, я понимаю, – сказала Джейн, – сегодня вечером. Я встречу тебя у дома.

Мэриголд не включалась.

Тимми сидел на полу у себя в комнате и нажимал на переключатель. Ничего не происходило. Он нажал еще раз. Ничего. Тимми швырнул коробку через всю комнату, потом подполз к ней на коленях и снова принялся нажимать.

Он долго сидел на полу, тяжело дыша и стараясь не шевелиться.

Ножи хранились на кухне. Он взял один, бесшумно поднялся к себе и отколупнул крышку, закрывающую отсек для батареек. Там было пусто. Кто-то вынул батарейки.

Тимми склонился над черной коробкой. Мэриголд исчезла. И безопасное место в глубине ее глаз тоже исчезло, осталось только темное место у него в голове, куда приходят плохие мысли. Мэриголд исчезла...

Он отчаянно закричал и снова швырнул коробку через всю комнату. Потом подбежал к ней и принялся топтать ногами. И золотистая кошка, сделанная из света, носилась по комнате, высоко задрав хвост. Только ее здесь не было, она умерла, он убил ее в буфете под лестницей, потому что она мурлыкала слишком громко, точно так же, как он убил маму и папу, как он

хотел их убить, снова и снова тыкая в них ножом, всякий раз, когда они его били, он хотел переехать их на машине, сжечь их в огне... отрезать им головы разделочным ножом... плохие мысли теперь все здесь, потому что Мэриголд мертва, и он убил ее, кромсал ее кухонным ножом, пока она не испортилась и не умерла, как сейчас, и весь ковер изрезан на куски и весь залит красным... забрызган мамочкиными кишками...

– Тише, тише, Тимми, – напевала Джейн, обнимая его. Доктор Ламберт тоже был здесь, большой, похожий на отца в его зимнем пальто. – Теперь все будет хорошо, малыш. Теперь все будет хорошо, просто поплачь. Я здесь, с тобой. Тебе просто нужна отдушина для всей этой боли. Тише, все хорошо...

Отдушина. Спасение. Он все рыдал и рыдал, а потом заснул у нее на руках.

Его не надо везти в больницу, сказал доктор Ламберт. Тимми по-прежнему нужно приходить на сеансы три раза в неделю, но теперь все будет хорошо, потому что теперь Тимми с ним разговаривал. Сначала совсем немного, но потом – все больше и больше. О матери и отце, и о времени, когда они были в пути. И он опять начал есть, сначала немного, а потом все больше и больше. Джейн улыбалась.

Но лучше всего было то, что Мэриголд вернулась.

Теперь ему не нужна была черная маленькая коробочка. Мэриголд появлялась всегда, когда он смотрел особенным образом, уголком глаза. Поначалу она ходила там же, где Бутс и котята, которые уже совсем выросли и научились подниматься по лестнице, взбираясь на каждую ступеньку, как будто это была гора. Когда Бутс или ее котята ходили по комнатам, Мэриголд была с ними – большая кошка, сделанная из золотистого света, идущая вместе с котятами из плоти и крови. А потом Мэриголд начала появляться сама по себе, уже без Бутс или котят. Она приходила, размахивая хвостом, каждый раз, когда Тимми хотел ее видеть. И самое лучшее было то, что, когда Тимми разбил коробку, Мэриголд научилась говорить.

– У меня появилась отдушина, Тимми, – сказала ему Мэриголд. – Теперь я выбралась наружу. Теперь я могу приходить к тебе всегда, когда ты захочешь, а так я живу в том безопасном месте в глубине. Ты сломал коробку, и у меня появилась отдушина.

– Даже не верится, что за такой краткий срок произошло такое заметное улучшение, – сказала Джейн по телефону. – Это невероятно.

Мэриголд прижала уши и задрала хвост.

Тимми начал ходить в школу. Специальную школу, где в классе всего лишь шесть учеников, и он был единственным, кто умел читать. Иногда Мэриголд тоже приходила в школу. Но это происходило не часто, и чтобы увидеть ее, Тимми приходилось ждать, когда он вернется к Джейн. Школа была не хорошей и не плохой. Тимми было все равно.

– Он по-прежнему очень замкнутый, – сказала Джейн в телефонную трубку, – и Марти Ламберт опасается делать прогнозы. Но я настроена оптимистично.

С ее голосом было что-то не так.

– Джейн тоже нужна отдушина, – сказала Мэриголд Тимми.

– У нее нет тебя, – ответил Тимми. – И я тебя ей не отдам. Мэриголд, можно мне тоже пойти с тобой в то безопасное место, куда ты уходишь?

В ответ Мэриголд лишь улыбнулась и исчезла. Тимми это не понравилось. Он ненавидел, когда она так исчезала. Он долго сидел неподвижно; плохие мысли пытались проникнуть в его сознание, пока рядом не было Мэриголд. А потом она возвращалась и ходила кругами с задранной хвостом как ни в чем не бывало.

Снег уже почти растаял, когда Джейн сказала Тимми, что им нужно поехать в суд, чтобы рассказать историю Тимми одному хорошему человеку – судье, который хочет помочь Джейн оставить Тимми у себя навсегда. Мать и отец Тимми тоже там будут, сказала Джейн, но они не смогут прикоснуться к Тимми и даже с ним заговорить. Так что ему не надо бояться.

– Мать и отец уже здесь, – сказала Мэриголд, вышагивая вокруг Джейн. – Только Джейн этого не знает. Они прячутся с той стороны деревьев, и они заберут тебя, как только этого захочет отец.

Тимми расплакался.

– Малыш, не надо. Не плачь. – Джейн попыталась обнять Тимми. Он оттолкнул ее. Что она знает о том, что сказала ему Мэриголд?! О том, на что способен его отец?! И вообще обо всем?!

Тимми выбежал из дома и спрятался под крыльцом кухни. Мэриголд тоже пришла туда. Они сели рядышком в темноте.

– Плохие мысли опять идут, – прошептал Тимми.

– Я знаю, – ответила Мэриголд.

– Я...

– Тебе больно, – сказала Мэриголд. То же самое все время говорил и доктор Ламберт, но Тимми никогда ему не отвечал, потому что доктор Ламберт на самом деле ничего не знал. Это были всего лишь слова вроде тех, что говорил отец, о необходимости наказания, или слова матери о том, что она больна. Всего лишь слова. Но Мэриголд знала.

– Тебе тоже нужна отдушина, – сказала Мэриголд. – Как тогда, когда ты сломал мою коробку и выпустил меня. Помнишь, как это было хорошо?

– Но я сломал твою коробку, потому что плохие мысли меня заставили, – ответил ей Тимми.

– Но после того, как ты это сделал, плохие мысли ушли, – не сдавалась Мэриголд. – И помнишь, как это было хорошо?

Тимми помнил. И Мэриголд тоже. Когда говорила Мэриголд о чем-то таком, это были не просто слова.

– Тебе нужна отдушина, – повторила Мэриголд.

– ...в интересах ребенка, – сказал судья. За эти два дня он сказал еще много других длинных и непонятных слов. Тимми перестал слушать. Это были всего лишь слова, и тем более он устал. Мать и отец сидели в другом конце комнаты на жестких коричневых стульях и пытались ему улыбнуться. Он на них не смотрел. Он вообще ни на кого не смотрел. Мэриголд отказалась прийти в суд, и Тимми это обидело и взбесило. Как она могла не прийти?! Ведь она должна быть рядом, когда она ему так нужна.

– ...нет никаких убедительных доказательств того, что родители обращались с ребенком жестоко, и если вы, миссис Коллинз, обещаете пройти курс психиатрической помощи, и если вы можете обеспечить Тимоти условия, чтобы он ходил в школу, я не вижу причины, чтобы лишить вас родительских прав...

– Нет! – закричала Джейн. – Вы не можете!

Она вскочила со стула. Тимми хотел, чтобы она села. Она выглядела так глупо в своем длинном платье, что висело на ней, как на вешалке, и в очках, сползших на нос.

– ...также нет убедительных доказательств, что ребенок нуждается в посторонней опеке, мисс Фаркхар...

– Нет... – сказала Джейн упавшим голосом. Тимми видел, как она сжала руки, так что кожа стала совсем белой. Как лапки у Бутс. Он отвернулся.

– Неужели вы не понимаете, ваша честь? Тимми никогда не знал любви. Сейчас любовь для него означает боль. Но он не трудный ребенок, и со временем...

– Я огласил решение, – перебил ее судья. – У вас есть три дня, чтобы вернуть Тимми родителям, мисс Фаркхар. Дело закрыто.

Джейн сжала плечо Тимми. Ему это не понравилось. Ему не нравилось, как мать с отцом на него смотрят. Ему хотелось вернуться домой, к Мэриголд.

Этой ночью он взял ее с собой в библиотеку, где они устроились за диваном. Теперь Мэриголд позволяла ему брать себя на руки. Это было странное ощущение – нести такую тяжелую кошку, целиком сделанную из света. И еще она бледно светилась в темноте. В библиотеке было холодно – на ночь Джейн выключила обогреватель, – и пахло там, как не пахло больше нигде. Тимми нравился этот запах.

– Они сказали, что мне придется отсюда уехать, – сообщил он Мэриголд. – Вернуться к родителям.

– Я поеду с тобой, – сказала Мэриголд.

– Я знаю. Но мама снова меня ударит, и тогда мы опять убежим и отправимся в путь, и когда мы где-нибудь остановимся, отец найдет нас и побьет меня за то, что я снова не позаботился о маме.

– Но я буду с тобой, – сказала Мэриголд.

– Я знаю, – повторил Тимми несчастным голосом.

Только этого мало. Мэриголд уже мало. Как такое может быть?!

– Плохие мысли опять приходят, Мэриголд, – прошептал он. – Я хочу... – Он заплакал.

– Помнишь то хорошее чувство, когда ты разбил мою коробку? – спросила Мэриголд.

– Возьми меня с собой, в то безопасное место, Мэриголд! Забери меня от плохих мыслей!

– Я не могу, – вздохнула Мэриголд.

– Возьми меня в безопасное место в глубине твоих глаз!

– Я не могу. – Мэриголд взмахнула хвостом. – Но ты можешь, Тимми.

– Я боюсь, – всхлипнул он.

– Помнишь, как тебе было хорошо потом?

Мэриголд посмотрела на него. В темноте за диваном ее глаза были ярко-зелеными. И в глубине этих глаз Тимми снова увидел то доброе и безопасное место.

– Плохие мысли уже здесь, Мэриголд!

– Тебе нужна отдушина, – сказала Мэриголд голосом Джейн и вдруг заурчала, чего никогда прежде не делала. Ее урчание звучало почти как песенка. У этой песенки были слова, слова Мэриголд, которые были правдой: «Рассерженный фермер обстриг им хвосты. Сказал: не со злости, а для красоты...»

Тимми прокрался на кухню. Ножи были на месте – остро заточенные ножи для отрезания хвостов наглым мышам. Он взял два, по одному в каждую руку, потому что теперь ему больше не надо было нести Мэриголд, она сама радостно бежала за ним. Тимми и Мэриголд спустились в подвал. Тимми не был здесь с той, первой недели, когда они приходили сюда с Джейн смотреть котят. Плохие мысли тяжело наваливались на него, и ему было больно от них – так же больно, как и тогда, когда его бил отец...

Коробка за печкой была пуста.

– Джейн отдала котят в хорошие руки, когда они подросли, – сказала Мэриголд. Тимми посмотрел на нее. На ее золотистой мордочке не отражалось вообще ничего. И это было невыносимо.

– Мэриголд, плохие мысли опять наступают. Я не могу их остановить, мне от них больно...

На этот раз Мэриголд ничего не ответила, и это было гораздо хуже, чем ее спокойный и равнодушный взгляд. Гораздо хуже. Тимми поднялся по лестнице, потом – еще по одной, ведущей к спальням на втором этаже.

Джейн спала на боку, ее рот был слегка приоткрыт. Она храпела. Без очков ее лицо выглядело каким-то пустым. От плохих мыслей Тимми было так больно, что он едва сдерживал крик.

Тимми поднял нож. Он смотрел на Джейн, храпящую с открытым ртом. Только она не храпела, а шла по полянке, держа Бутс в руках. «Тебе нравится Бутс? Она очень ласковая.

Хочешь взять себе одного котенка? Насовсем? Хочешь еще один сандвич с арахисовым маслом, малыш?»

– Я не могу, – прошептал Тимми.

– Давай, Тимми, – сказала Мэриголд, на этот раз голосом матери, нетерпеливым и злым. – Давай же, Тимми, какого черта... ты можешь хоть что-нибудь сделать правильно, маленький ты засранец...

Плохие мысли сжигали его изнутри. Кололи, били и жгли... и кровь, и мозги вытекают наружу... и у них больше нет рук... и их внутренности на полу... отрезать им головы разделочным ножом...

– Помнишь, как хорошо было в тот раз? – спросила Мэриголд. – Уже потом?

«Это тебе, – говорит Джейн. – Твоя мама сказала, что не разрешит тебе завести котенка и забрать его с собой, когда вы переедете в новый дом, так что я принесла тебе это. Вот здесь нажимаешь на кнопку...»

...«Рассерженный фермер обстриг им хвосты. Сказал: не со злости, а для красоты...»

И тогда Тимми увидел...

Оно было здесь, в глазах Мэриголд. Когда он сломал ее коробку, это было хорошо. Это была отдушина, это было спасение... Это был путь к Мэриголд, которая всегда будет рядом, и никогда не покинет его, и никогда не ударит, не причинит ему боль и не позволит, чтобы ему причинили боль нехорошие мысли. Отдушина – это путь в безопасное место в глубине глаз Мэриголд, просто плохие мысли пытались сбить его с толку, потому что они плохие. Он сломал коробку Мэриголд, но этим он только освободил ее. Освободил, чтобы она могла показать Тимми то безопасное место, куда никогда не проникнут плохие мысли... никогда-никогда...

– Спасибо, – сказал Тимми. Он сказал это вслух и поднес острый нож себе к горлу. Мэриголд улыбнулась. Тимми с силой вонзил нож куда нужно и услышал крик. Кто-то кричал, и не один человек, а двое. Но это было уже не важно, потому что теперь ему больше уже никогда не придется слышать, как кто-то кричит, и плохие мысли ушли, и он все же добрался до безопасного места в глубине глаз Мэриголд; до того места, где мыши гоняются за фермеровой женой, где Бутс и ее котята всегда будут вместе, и, конечно, там будет и Мэриголд, его кошка... его кошка; до того места, которое он создал сам, потому что никто не смог бы создать его для него. Безопасное место. Отдушина Мэриголд.

Сьюзан Вейд

Рассказы **Сьюзан Вейд** появлялись в таких журналах, как *Magazine of Fantasy & Science Fiction* и *Amazing Stories*, а также в антологиях *Snow White*, *Blood Red* и *Black Thorn, White Rose*. Первый роман *Walking Rain*, стал номинантом на премию Энтони и лауреатом премии Барри. Сьюзан Вейд живет в Остине, штат Техас, где ежегодно принимает участие в «South by Southwest» – ряде музыкальных, кино- и медиафестивалей и конференций.

Белая ладья, черная пешка⁹

*Моему брату, Дэрилу,
пожарному и философу*

Впервые Эллиот Франклин заметил странное поведение кошек спустя неделю после того, как его жена забрала дочь и уехала к родителям в Даллас.

– Останемся там до конца лета, – обещала Рита. – Анна сможет заниматься танцами у мадам Дюпре. Местная студия не приносит результатов – даже ты это видишь.

Эллиот не видел в хореографическо-театральной школе ничего дурного, за исключением маленького нюанса: они произносили «театор» вместо «театр». Но в любом случае в возрасте Анни танцы вреда не принесут.

Хореографическая школа не представляла для дочки огромного интереса, но Эллиот знал, что подобные замечания до добра не доведут. Поэтому пришлось довольствоваться обещанием Анни, что она, *безусловно*, умеет звонить по межгороду и, *безусловно*, помнит его рабочий номер.

– Кроме того, двенадцатую часть пожарного департамента Остина всегда можно найти в справочнике, – добавила Анни, – на тот случай, если я забуду. Чего не случится.

– А ты знаешь, в какую смену я работаю...

– Смена «Б», – ответила она. Ее серые глаза обвинили отца, что он усомнился в ее способностях. – К тому же я *всегда* помню твоё расписание, папочка.

– Я буду скучать, – извиняющимся тоном признался Эллиот. – Очень.

Анни обняла отца.

– Я тоже, папочка. Но это всего лишь на шесть недель.

Он знал, где она подхватила эту фразочку – Рита все возражения отметала именно этими словами. Однако у него не хватило смелости предупредить дочь, что шестью неделями дело, вероятно, не обойдется.

Рита не сумела привыкнуть к Остину. Она принадлежала Северному Далласу до мозга костей. Эллиот подозревал, что выйти замуж ее побудил лишь юношеский протест, и когда он закончился, она начала мечтать о переезде.

В июне ему исполнилось тридцать шесть – возраст, который сделал его слишком старым для перевода в другие пожарные части. Целых четыре недели после того, как Рита объявила о своих планах, он подозревал, что жена выжидала момент. Ждала, когда Эллиот окончательно застрянет в Остине, чтобы навсегда уехать в Даллас.

Если Рита не вернется к началу школьных занятий, это будет значить, что она его бросила. Но если обвинить ее раньше времени, она начнет уверять, что все замечательно, а у него паранойя.

По мнению Эллиота, после восьми лет совместной жизни с Ритой паранойя появится у любого здорового мужчины. Но этот спор совсем из другой оперы – из оперы под названием «Кто больше сумасшедший».

Поэтому он их отпустил – свою раздраженную жену и единственную дочь. Эллиот не переставал думать о поражении, когда покорно помогал грузить чемоданы в багажник «Бьюика» и угрюмо наблюдал, как они уезжают по пригородной улице и скрываются из виду.

Следующую неделю он провел в постоянном унынии, прерванном единственным ярким моментом: он позвонил тестю в Даллас, и ему даже позволили поговорить с Анни. Все другие звонки резко прерывались Роджером Уоллером, отцом Риты. «Она отдыхает», – говорил он,

---

⁹ “White Rook, Black Pawn” © Copyright 1996 by Susan Wade. © О. Захватова, перевод на русский язык.

или: «Они с Анной на занятиях». Он всегда вешал трубку раньше, чем Эллиот успевал открыть рот, чтобы передать сообщение.

Эта неделя ничем не отличалась от предыдущих: двадцать четыре часа Эллиот работал, а сорок восемь часов отдыхал. Как и обычно он оплачивал счета и ходил за продуктами. Но в душе росла уверенность, что он потерял свою дочь навсегда.

И только субботним вечером после очередной неудачной попытки поговорить с Анни, он наконец-то понял, что она могла оправить письмо. Целых двадцать минут он искал ключ от почтового ящика, пока не откопал его в корзине на столе в коридоре.

Длинные летние сумерки одержали верх над мучительно жарким днем, выпустив на волю первый прохладный вечерний ветерок. Эллиот направился с холма вниз к почтовому ящику. Несмотря на зной, ручей внизу оказался полноводен.

Эллиот достал недельные запасы почты из забитого ящика. Пока он стоял, сортируя ненужную макулатуру от счетов, в поле его зрения что-то мелькнуло. От столь быстрого, темного движения волосы на шее встали дыбом.

Он повернул голову, чтобы лучше рассмотреть, но высокие платаны и дубы, усаженные вдоль ручья, превращали сумерки в крошечную темноту. Какое-то время Эллиот не мог ничего разглядеть.

Он застыл, как вкопанный, и по мере того как глаза привыкли к темноте, перед ним открылась странная картина.

Внизу, под мостом через ручей, тянулась пара широких водостоков. С одной стороны, напротив Эллиота, в ряд сидело около дюжины кошек. Абсолютно черных. Каждая кошка застыла на своем месте в определенной позе. Вместе они выглядели как отряд солдат, замерших на постах.

Маленькие исхудалые котята сидели перед старшими с настороженными ушами и прямыми взглядами, аккуратно свернув хвосты вокруг черных тел. Позы взрослых кошек казались более разнообразными, но при этом на удивление правильными. Огромный лоснящийся кот с огромными ушами, похожими на лисьи, оставался на обочине над водостоком, будто оглядывая свой отряд. Напротив сидели две кошки, каждая подняв одну лапу и выпустив когти.

Очень странно. Конечно, Эллиот замечал в округе бездомных кошек. Из-за близости реки и незастроенной лесной полосы за домами обитало много животных – опоссумы, еноты и сотни белок. Но он еще никогда не видел, чтобы кто-то из них вот так собирался.

Краем глаза он увидел что-то еще. Очень медленно Эллиот повернулся, стараясь удерживать живописную группу в поле зрения.

С его стороны ручья собралась еще одна группа кошек. Эти оказались полностью белыми. В отличие от ровных рядов черных созданий, белые сидели хаотично.

Две компании застыли друг напротив друга, не двигаясь и не мигая. Эллиот заметил, что одна из белых кошек глядела по сторонам – самка среднего размера с наполовину оторванным ухом. Она сидела, подняв хвост, на расстоянии добрых шести футов от своей фаланги.

Ни одна из кошек не шевелилась.

Черт, это самая странная вещь, которую Эллиот когда-либо видел.

Без единого предупреждения белая кошка с рваным ухом бросилась по диагонали, схватила черного котенка, зажала его голову в зубах и умчалась мимо вражеского фланга к руслу реки.

Все произошло со скоростью света. Ее жертва и пискнуть не успела. Зато Эллиоту показалось, что он слышал, как сломалась шея котенка, когда кошка исчезла в темноте.

Он поглядел вслед, надеясь выследить ее, но тускнеющий свет взял над ним верх. Когда он вернул внимание на дорогу, кошки исчезли, как будто их никогда там и не было.

– Наверное, почудилось, – убеждал себя Эллиот хриплым голосом.

Прочистив горло, он поспешил к дому.

Белая похитительница сидела на каменной стене моста, спокойно слизывая кровь с белоснежной шерсти.

Эллиот бросил почту. Кошка одарила его мимолетным взглядом и продолжила неторопливое мытье.

– Я понял, – прошептал Эллиот. – Белая ладья бьет пешку. Правильно?

Закончив слизывать темную кровь с груди, белая кошка махнула хвостом и растворилась в сумерках.

Смена Эллиота начиналась в полдень, но по традиции они пораньше освобождали коллег предыдущей смены, поэтому он пришел на работу к одиннадцати.

К двенадцатому участку относилась большая территория, покрывающая Северный Остин от бульвара Ламар до 35-ой улицы, так что вызовов было немало. Большинство звонков поступали от больных – обычно с сердечными приступами; иногда ножевые или огнестрельные ранения. Но и пожаров хватало.

Смена оказалась самой напряженной на памяти Эллиота, а ведь это даже не полнолуние. Самый крупный вызов поступил в 4.04 утра. Громкий вопль сирены застал его в фазе быстрого сна. Обычно Эллиот быстро подсакивал, но тот вызов обрушился на него в неправильное время. Позже он даже не мог вспомнить, что происходило до того, как они выехали на пожар.

Горел один из комплексов домов, что испещряли северную часть Остина, двадцать квартир в двухэтажном доме в форме буквы «Г». Похоже, пожар был серьезным. Световая сигнализация скользила по поверхности здания, вспыхивая в темных окнах красными и рыжими огнями, словно искры. Завораживающее зрелище.

Затем кто-то закричал, и Эллиот заметил человек двадцать жильцов, что скитались по обочине с фонарями. Туи подал машину к домам и посмотрел на него.

– Франклин! Ты в порядке? – резко крикнул Туи.

Эллиот спохватился и взялся за рацию.

– Машина 12 на месте. Приступаем к заданию. Горит жилой комплекс. Дым валит с верхних этажей. Вспомогательной машине необходимо проложить пятидюймовый шланг. Будем тянуть рукава.

Васкиз и Эллиот вытягивали шланг, пока Туи готовился пускать воду. Войт схватил один из шлангов и направился к лестнице.

– Все вышли? – крикнул Эллиот одному из гражданских, здоровому парню в джинсах, который выглядел достаточно бодрым. – Где началось возгорание?

– Кажется, у моих соседей, – ответил парень и указал на дверь в конце верхнего этажа. – Квартира три восемьдесят пять. Датчик дыма сработал, и все его слышали.

– Проверьте, все ли спустились, – велел Эллиот. – Сверяйте по номерам квартир. Мы обобщем, но постарайтесь убедиться, что все на месте.

Душу терзала какая-то беспричинная тревога. Он снова взялся за рацию.

– Войт! Жители полагают, что возгорание началось в квартире три восемьдесят пять...

Войт уже оказался на полпути вверх, его форменная куртка распаивалась, пока он все больше расправлял плоский шланг.

– Войт! Застегивай куртку и сообщи обстановку! – крикнул Эллиот.

Войт остановился напротив открытой двери, из которой валил дым. Его голос прозвучал громко и взволнованно:

– Не все так плохо! Будем тушить.

Затем Войт споткнулся о перила и выругался. А несколько секунд спустя по лестнице промчалась белая кошка. У нее не хватало половины уха – Эллиот заметил это, когда она бросилась через стоянку и исчезла среди деревьев. При виде рваного уха его тревога резко усилилась.

И тут его осенило – проверка, которую они проводили здесь несколько месяцев назад.

– Отбой, Войт! – закричал Эллиот. – Переходи к соседней квартире! Тяни рукав туда! Подошел парень в синих джинсах:

– Дженет говорит, что жильцы из квартиры три восемьдесят пять в отпуске – так что мы почти уверены, что все здесь.

Эллиот показал напарнику два больших пальца и побежал к лестнице, вытягивая шланг.

– Васкиз, приготовься! Воду пока не пускай. В соседней квартире в потолке нужно сделать пробоины, чтобы остановить распространение огня на чердак.

Туи уже открывал вентиль на машине. Войт все еще стоял на входе в квартиру, но по крайней мере застегивал куртку. Васкиз принесла багры и вернулась, чтобы без лишнего напоминания проложить еще один рукав. Она была хорошей напарницей.

Эллиот забрался в горящую квартиру, где черная завеса полностью закрывала обзор. Он не видел, как далеко на чердак распространился огонь.

– Говорю тебе, нужно тушить, – сказал Войт откуда-то изнутри.

– Войт, – крикнул Эллиот, – хватит трепаться. Заходи в соседнюю квартиру и помоги с потолком.

– Но ведь только часть кухни... – начал Войт.

– Делай, как я сказал, Войт. – Эллиот схватил багор и побежал к квартире с другой стороны.

Эллиот услышал звук сирен – помощь второй бригады на подходе. Дым уже струился из вентиляционных шахт. Он всадил крюк в стену над головой и потянул; плечевые мышцы напряглись и заныли. *Стареешь, Эллиот.* Войт быстро подоспел к напарнику, воткнув в потолок свой крюк. Из первой дыры вырвался жар. Но пламени пока не было – они успели как раз вовремя.

– Мы крутимся вокруг да около, пока там все горит! – закричал ему Войт. – Мы могли потушить огонь!

Эллиот не тратил время на ответ. Им потребовалось несколько минут, чтобы пробить траншею. Туи сообщил, что вторая машина уже прокладывает шланг.

Эллиот послал свободных людей из бригады на обыск здания, пока Туи помогал товарищу из пятнадцатой команды подключить дополнительный рукав. Через несколько секунд пожарный кран был открыт.

Эллиот поставил Войта на вспомогательный рукав.

– Вот дерьмо, – ругнулся Войт, направляя струю воды на чердак. – Ничего не происходит.

– Подожди, – просил Эллиот.

Он схватил шланг и побежал к полыхающей квартире три восемьдесят пять. Вокруг было черно от дыма и жарко, как в аду. Васкиз стояла наготове у своего рукава, как велел Эллиот.

– Туши! – сказал он.

Они нырнули внутрь, распыляя перед собой воду. Когда они добрались до гостиной, рыжее пламя встретило их мерцающим адским светом. Распыленная вода превращалась в пар, отчего вокруг становилось только жарче.

Эллиот боялся, что огонь распространится дальше. Столь горячее пламя за несколько секунд могло вызвать возгорание во всей квартире.

Пожарный костюм не мог уберечь от воспламенения; он просто расплавлялся и поджаривал тело. Пар становился все гуще, пока жар продолжал свирепствовать.

– Жарковато становится? – подметил он.

– Нормально, – ответила Васкиз. Ее голос глухо звучал из-за защитного экрана ее шлема.

Через отверстие в потолке просочился воздух. Дым начал рассеиваться, а яркие языки пламени разгорелись сильнее и поднялись выше. И при этом стало прохладнее – жар выходил через дыру, и пламя убавило свой пыл.

– Получается! – закричала Васкиз.

По рации прозвучал голос Туи:

– Можешь выйти? На крыше огонь.

Эллиот оставил Васкиз и парня из пятнадцатой бригады и побежал на первый этаж.

Пламя вырывалось сквозь крышу квартиры три восемьдесят пять. Искры выстреливали в темноту и лениво разлетались по крыше.

Дерьмо. Из-за нынешней засухи могла загореться трава. А часть крыши чуть подальше уже начала тлеть.

Жители дома с криками бегали вокруг, но внутри шлема собственное дыхание звучало громче, чем их крики, и даже громче, чем голоса из рации.

– Постарайся их успокоить, – велен он Туи, пробегая мимо.

Он схватил наконецник шланга, установленного на крыше машины. Резиновый рукав разматывался позади него, пока он взбирался наверх, поливая крышу вокруг разлома. Собственный пот обжигал тело внутри костюма, отчего его действия стали медленными и бестолковыми. Он даже не мог предположить варианты распространения огня.

«Хаос, – думал он. – Огонь и чертов хаос».

Облака пара волнами выходили из отверстия в крыше над квартирой три восемьдесят пять.

– Вы там в порядке внутри? – крикнул Эллиот, все еще поливая крышу.

– Все чисто, – прокричал в ответ Войт.

– Все в порядке! – крикнула Васкиз. Ее голос звучал так, будто она улыбалась. – Не волнуйся, Франклин. Похоже, дело идет к концу.

Что-то заставило Эллиота повернуть голову. На перилах раскинулась лоснящаяся черная кошка. Она посмотрела на Эллиота и удовлетворенно зевнула, демонстрируя розовый язык и острые белые клыки.

Мурашки пробежали по его спине. Он ее где-то уже видел.

Эллиот повернулся. Огня больше не было.

– Перекройте воду, – крикнул Эллиот Войту и Васкиз.

Подошел Дварик, начальник четвертого батальона. Он остановился, чтобы почесать кошку под подбородком. Эллиот очень уважал Дварика, старого пожарного, который боролся с огнем с сороковых годов. Эллиот ожидал, что Дварик поможет, но он только спросил:

– Что думаешь, Франклин? Вторая бригада понадобится?

– Думаю, мы сбили пламя, шеф, – ответил Эллиот.

– Гражданские снаружи?

– Сейчас ведутся поисковые работы, – доложил Эллиот, как раз в тот момент, когда парень из пятнадцатой бригады сообщил, что в здании чисто.

– Потери? – спросил Дварик.

– Две квартиры, – ответил Войт с ноткой обвинения. – А этот чертов кот расцарапал меня до самых костей.

Рот Дварика скривился.

– Ущерб в основном от дыма и воды, – добавила Васкиз.

– Отличное решение – зайти с обеих сторон, – похвалил Дварик прежде, чем Эллиот смог что-то сказать. – Я проверил – на чердаке в противопожарных стенах есть дыры. Если бы вы стали действовать со стороны фасада, то могли потерять весь ряд квартир.

– Спасибо, шеф, – поблагодарил Эллиот.

На этот раз Войт промолчал.

– Веди своих на отдых, – велел Дварик. – А мы через несколько минут начнем спасение имущества.

Черная кошка спрыгнула с перил и принялась тереться о сапоги Эллиота, громко урча.

Из-за отчетов и столь позднего вызова Эллиот пришел домой позже обычного. Он добрался до дома около двух часов дня без задних ног. За всю ночь им не удалось поспать больше одного часа.

Когда он остановился на парадных ступенях, чтобы поднять газеты, что-то пролетело мимо его уха, гудя, как маленький пропеллер. Колибри. Она на несколько секунд зависла над Ритиной кормушкой и вскоре исчезла из поля зрения. Эллиот снял кормушку с крючка, чувствуя прилив вины за то, что позволил ей высохнуть. Он оглядел двор.

Трава завяла и пожелтела по краям. Эллиот зашел в дом и наполнил кормушку. Повесив ее на крышу крыльца, он вытащил разбрызгиватель и шланг. Давление воды было низким. Пока он вертел шланг, пытаясь достать до иссушенных краев газона, он заметил одного из черных котят, свернувшегося позади лилий рядом с вентилем. Котенок лежал и смотрел на него с полным равнодушием.

– Похоже, ты здорово проголодался, приятель, – подметил Эллиот.

Котенок настороженно поднялся, как будто хотел на него броситься.

– Что с вами такое, ребята? – спросил Эллиот. – Что вы там задумали?

Котенок не издал ни звука, но Эллиот видел, как вздымаются его ребра вместе с быстрым дыханием. Он отправился в дом и открыл банку тунца, вынес ее и поставил к кусту жимолости в конце ряда лилий. Черный котенок выглянул из тени широких листьев.

– Не бойся, – успокаивал Эллиот. – Можешь поесть.

Котенок смотрел на него, не двигаясь.

Усталость охватила Эллиота, как туман. Оставив котенка, он зашел в дом. Сил не осталось даже на душ, поэтому он просто рухнул в постель.

Сон, однако, был беспокойным. Ему снилось, что он борется с белым пламенем, которое, как кошка, прыгало с крыш и из окон на людей, оставляя на своем пути черные искореженные трупы.

Во вторник утром он снова позвонил в дом тестя. На этот раз трубку взяла Анни.

– Анни! – вскрикнул он. – Как у тебя дела, детка?

– Привет, папочка, – ответила она. – Здесь так здорово! Скоро пойдем с бабушкой на каток, а потом в магазин игрушек. Он обещал купить любой набор Барби, который я только пожелаю.

– Ты хочешь Барби? – переспросил Эллиот. Она всегда предпочитала поезда и бейсбольные карточки.

– Ну, коне-е-е-чно, – ответила Анни со знакомой интонацией. Совершенное подражание Рите, даже это растянутое «е», которое превращало одно слово в два. – Элизабет говорит, что если у меня будет Барби с пляжным домом, то я смогу прийти к ней в гости поиграть.

– А кто такая Элизабет? – удивился Эллиот.

– Ну, па-а-а-па, – протянула она.

Еще одна Ритина привычка, которая больше всего раздражала Эллиота. Услышав это от Анни, он стиснул зубы.

– Элизабет Лестерфилд.

Этот ее благоговейный тон раньше предназначался только для Нолана Райана.

– Она живет чуть дальше по улице, рядом с парком. У нее есть восемь сестреночек Скиппер, пять Кенов и *шестнадцать* Барби.

Поначалу он не знал, что на это сказать.

– Здорово. Послушай, Анни, малышка. Хочешь, я приеду и свожу тебя в зоопарк...

– Мы с бабушкой вчера там были, – ответила она.

Он замешкался.

– Ну, тогда на аттракционы...

– Мы идем туда завтра, – сказала Анни. В трубке послышался чей-то голос. – Дедушка говорит, что нам пора. Пока, папуля.

– До свидания, родная. Люблю тебя, – добавил Эллиот, но в на другом конце уже раздались гудки.

После разговора с Анни он вышел, чтобы полить газон. Трава немного ожила, но все равно выглядела неухоженной. Пора косить.

Черный котенок лежал на том же месте под лилиями. Эллиот заглянул за куст жимолости – банка из-под тунца вылизана до блеска.

– Полагаю, ты изрядно изголодался, Хищник, – сказал он и взялся за шланг. – Дай мне включить воду и получишь еще одну банку. Как тебе предложение?

Котенок смотрел на него, не моргая и насторожив уши, но на этот раз не хорохорился.

– Я всегда жалел тех, кого жизнь потрепала, как собака, – сказал Эллиот, устанавливая разбрызгиватель. – Ой, наверное, правильнее будет выразиться «потрепала, как кошка». Но штука в том, что мы с тобой на одной стороне. Пытаемся упорядочить хаос. Как думаешь, Хищник?

Котенок принял львиную позу. Эллиот услышал тихое урчание.

Выдав Хищнику еще одну банку тунца, Эллиот зашел в дом и предпринял попытку разобраться на столе в пустой комнате на втором этаже, которая служила ему кабинетом. Двадцать минут спустя в одном из ящиков он нашел старый набор для оригами, который когда-то принадлежал Анни.

Все закончилось тем, что оставшийся день Эллиот мастерил кошек из маленьких квадратиков черной и серебряной бумаги.

Вечером Эллиот отправился проверить почту. На улице было тихо. Машины уже не появлялись, и большинство людей сидели по домам. Интересно, чем они занимались? Готовили ужин, читали газеты, смотрели телевизор? Эллиот смотрел на окна, яркие прямоугольники в летних сумерках, но не мог представить себя внутри. Та его счастливая часть жизни мигрировала в Даллас.

Разбрызгиватели все еще работали, чтобы воскресить иссушенный газон. Сверчки громко стрекотали. Никакой личной почты ему не пришло, но зато он нашел яркую открытку от магазина игрушек с приглашением на летнюю выставку. Если бы Анни была дома, они бы заехали туда завтра после ежеутреннего купания в Бартон-Спрингс, бассейне под открытым небом.

На бетонной стене моста появились свежие рисунки, странные шестиугольные символы. Эллиот забрался на стену возле почтовых ящиков и стал ждать, что будет дальше.

На этот раз белые собрались первыми.

Сначала он чуть было их не пропустил, потому что ящики частично загораживали водосток. Но кошки были там. С прошлого раза их позиции изменились.

Через минуту на свои места пришли и черные. Их передовая линия поредела, потому что теперь не хватало пешки. Хищник был самым худощавым из всех молодых кошек, самым маленьким. Он не признал Эллиота, просто смотрел прямо перед собой.

Шея Эллиота напряглась. Белые определенно превосходили черных. Белые пешки выглядели крупнее, и их было больше, хотя старшие фигуры на обеих сторонах казались примерно равными.

Пешка рядом с Хищником сделала свой первый ход. Это был крупный кот, хотя все еще подросток. Он стоял на БЗ и за два осторожных шага переместился вперед от границ неровного ряда.

Защитный ход? Или начало длинной игры?

Затем, привлеченная перспективой легкой добычи, кошка с рваным ухом прыгнула из белой шеренги.

Эллиот был так сосредоточен на кошках, что не заметил внедорожник, который сбил белую хищницу, отбросив ее тело в канаву.

Эллиот от неожиданности вскрикнул, но машина даже не сбавила скорость. К тому времени, когда водитель повернул за угол, остальные кошки исчезли. Эллиот подумал, что черная пешка попала под заднее колесо и упала в водосток.

Белая кошка тихо лежала на обочине, пока ветерок чуть колыхал ее белоснежный мех.

– Игра с самопожертвованием, – сказал он. – Твои приятели сделали опасный ход, Хищник.

Звук его голоса стих и растворился.

Эллиот медленно побрел назад через сумерки. Придя домой, он поднялся наверх и аккуратно расставил на отполированной тиковой поверхности стола своих кошек в две фаланги, лицом друг к другу.

В следующую смену Войт не вышел на работу по причине болезни. Смена закончилась настолько спокойно, насколько беспокойна была предыдущая. Поистине мирный день на Станции 12.

Эллиот погрузился в мысли. Перед последней сменой белые схватили черную пешку, после чего случился пожар в квартире с белой кошкой внутри. Вчера черные одержали победу, и на Станции-12 не было ни единого вызова.

Была ли здесь связь? Или у него воображение разыгралось?

Кошек в огне он точно не выдумал – Войт остался дома потому, что царапины на его горле загноились. Но кошки были везде. Те две, возможно, были просто испуганными питомцами. А что касается диких кошек возле водостоков... Что ж, в темноте и не такое почудится.

На станции было настолько тихо, что Туи уговорил Эллиота сыграть с ним в шахматы. Эллиоту нравились их игры, но с тех пор как началась история с кошками, черные и белые фигуры на доске вызывали беспокойство.

– Тебе придется что-то делать с Войтом, – сказал Туи, делая ход конем.

– Зачем? – автоматически спросил Эллиот, двигая пешку. – Он безнадежен. Ковбой. Ничто его не изменит.

– Да, если ты надерешь ему задницу, в следующий раз он ослушается твоих приказов, и вы оба окажетесь в полном дерьме.

Туи прав; Эллиот знал это. Но у него сейчас не было сил разбираться с Войтом. Все его мысли возвращались к Анни и Рите.

Да, у них с Ритой бывали разногласия, но ведь многие пары умеют справляться с подобными проблемами и жить дальше. Он был преданным, трудолюбивым мужем, всегда обеспечивал семью. А еще он много времени проводил с Анни: водил ее плавать, в детский музей, в походы и в природный центр. Он был хорошим отцом, занимался домом – что еще Рите нужно?

Он попытался подумать, в чем нуждалась Рита. Что он ей не дал? Но даже за десять ходов так и не смог разобраться.

– Где витают твои мысли? – с отвращением спросил Туи, взяв коня Эллиота. – Что с тобой творится в последнее время?

Эллиот ссутулился, затем выпрямил плечи, стараясь расслабиться.

– Рита забрала Анни и уехала в Даллас.

Туи оторвал взгляд от доски.

– Она вернется?

Эллиот пожал плечами.

– Печально слышать, – посочувствовал Туи и сделал ход ладьей.

Эллиот изучал позиции на доске, пытаясь сосредоточиться. Но вне зависимости от игры, Туи взял ферзя за три хода.

Когда он вечером позвонил в Даллас, трубку взяла Рита. Ее голос был наигранно радостным. Он познакомился с этой интонацией на вечеринках, где она чувствовала себя не в своей тарелке, как, например, в тот раз, когда они отправились на барбекю к Туи. Вероятно, голос Эллиота звучал одинаково «веселым», когда ему приходилось ходить на премьеры балета.

– Привет, – поздоровался он. – Это я.

Пауза.

– О.

– Как дела?

Глупый вопрос. Но это все, что он смог выдать.

– Нормально, – ответила она.

– Вот и замечательно. Слушай, я хотел спросить...

– Хочешь сказать, что наконец-то решил поговорить со мной? Чудеса, да и только.

– Ты же поняла смысл? Можешь и ответить.

Эллиот услышал, как Рита вздохнула, и представил дрожащие пальцы возле трубки. Он никогда не разговаривал грубо, потому что она этого не выносила, но сейчас терпения уже не осталось.

Рита еще раз вздохнула.

– Смысл в том, – отчетливо сказала она, – что ты звонил... сколько раз? Раз десять, чтобы поговорить с Анной. И ни разу не попросил к телефону меня.

– А что мне говорить? – удивился Эллиот. – Ты не слушала меня, даже находясь со мной в одной комнате. Я не думал, что ты изменила свое мнение с тех пор, как уехала в Даллас.

– Что ты имеешь в виду? Как не слушала?

– Так и не слушала. Я столько раз просил тебя не уезжать, а ты послала меня к черту.

– Я...

– И не трудись объяснять, что ты уехала только для того, чтобы Анни могла посещать уроки танцев. У тебя просто кишка тонка признаться, что ты хотела меня бросить.

На этот раз пауза затянулась.

– Может, я не хочу уходить, – ответила Рита. Ее голос был тихий и напуганный.

Эллиот зажмурил глаза.

– Тогда чего же ты *хочешь*, Рита? Я пытался понять это восемь лет и до сих пор не понял. Так *скажи* мне, Бога ради!

– Я только что сказала, – ответила она. – Нас нет уже две недели, и это первый раз, когда ты позвонил *мне*. Это тебе о чем-то говорит, Эллиот?

– Что...

– Черт, Эллиот, я не хочу быть *невидимкой*! Я слишком много прошу?

– Я...

Он услышал резкие гудки, когда она бросила трубку.

В эту ночь он не смог заснуть. Он постоянно слышал тихие шаги на крыше над кроватью: тихие передвижения, легкие скольжения и иногда прыжки. Кошачьи маневры.

Через некоторое время он мог их даже представить – грациозный, смертоносный балет, отрабатывающий ритуальные боевые упражнения. Они не знали усталости; звуки атак не смолкали. Он был уверен, что начал отличать звуки Хищника от других.

Он лежал в темноте, пока видения танцев стали настолько отчетливыми, что Эллиот не смог сказать, сон это или явь.

В конечном счете ему пришлось взять подушку и отправиться спать вниз на диван.

Эллиот бродил по станции после работы, надеясь поменяться с кем-нибудь сменами, чтобы освободить все выходные.

Сначала он не мог найти желающих – у всех уже были планы. А потом капитан проверил расписание и выяснил, что у Эллиота выходной на День Труда.

– Мы с семьей собираемся. Родители очень хотят, чтобы мы все приехали, – сказал капитан. – Я выйду в твою смену, если ты заменишь меня на День Труда.

Это была паршивая сделка, но Эллиот все равно согласился. К четвергу по станции ползли слухи, что у него на выходные большие надежды.

В пятницу утром он тщательно побрился. Пока он стоял перед зеркалом в захудалой ванной станции, весь покрытый пенкой для бритья, он думал над Ритиными словами.

По ее тону он сделал вывод, что ей нужно больше внимания. И в самом деле, они с Анни проводили гораздо больше времени, чем с Ритой или втроем.

Тогда почему она никуда не ходила вместе с ними? Он порезался бритвой и вздрогнул. Да потому, что они с Анни любили проводить время на улице, а Рита то и дело жаловалась и ныла, что хочет домой. Он понял, что они с Анни постепенно стали заговорщиками. Они все еще приглашали Риту поплавать вместе или поиграть в волейбол в парке, но все эти приглашения звучали для нее не очень-то соблазнительно.

Он смыл остатки пены с лица и взглянул на свое отражение.

Он любил что-то *делать*. Для него взобраться на Энчантед-Рок было весельем. Рита же предпочитала иные развлечения – сходить на художественный фильм, где можно сидеть в кондиционированном зале в темноте и пить причудливую минеральную воду.

Мог ли он пойти на уступку ради ее развлечения? Никогда. Да он и не хотел отвечать за ее развлечения. Вот почему нельзя жить по-своему? Анни ведь может, а ей всего семь лет.

Петерсон, проходя мимо открытой двери, заметил, как он стоит перед зеркалом.

– Эй, Франклин, да ты еще красавчик! Правильно, нужно прихорошиться, если хочешь затащить цыпочку в кровать. Эй, ребята, ну разве он не хорош?

– Да что ты знаешь о красоте, Петерсон? – крикнул в ответ Туи. – Твоя мама рассказывала, что в детстве тебя покусала страшная змея, и ты так и не оправился.

Все разговорились вокруг, даже тихоня Васкиз. Они спорили, повезет Эллиоту или нет, и подшучивали, что на самом деле он собирается провести выходные с женой.

Эллиот сумел посмеяться над этим. Если бы он обращал внимание на их шуточки, они бы никогда не закончились.

Однако вся эта ситуация заставила его задуматься. Почему Рита настолько безрассудная?

Вечером он забронировал билеты на бейсбол, после чего зашел в круглосуточный магазин за сухим кормом и дюжиной банок тунца.

Он открыл рыбу, взял коробку кошачьего корма и огромную миску из кабинета – одна из Анниных мисок для кукурузных хлопьев. Мысли о дочери снова ужалили сердце. Хищника за лилиями не оказалось.

– Хищник? – позвал Эллиот.

Он услышал урчащий звук и обернулся. Хищник развалился над крыльцом на навесе рядом с кормушкой для колибри.

– За птичками приглядываешь, а, приятель? Лучше спускайся и поешь.

Он поставил тунца за кустом жимолости и открыл коробку с кормом. Хищник мягко спрыгнул на траву и пристально посмотрел на Эллиота.

– Я на пару дней уезжаю в Даллас, дружище, – сообщил он. – Прости за сухой корм. – Он щедро сыпанул корма в миску для хлопьев, поставил ее рядом с тунцом и отошел в сторону. – Я вернусь, и ты получишь тунца.

Хищник медленно подошел к кусту, все еще внимательно глядя на Эллиота.

– Мне нужно повидать с моей малышкой, – объяснил Эллиот. – Я достал билеты на бейсбол – на «Рейнджеров». Анни понравится. Во всяком случае она всегда любила бейсбол.

Хищник принялся за еду, наострив уши, будто внимательно слушал.

– Жаль, что Райан больше не подающий, – продолжал Эллиот. – Иначе Анни не смогла бы устоять. Он ее герой. Правда в последнее время она изменилась. Ну, ты понимаешь – с тех пор, как они уехали в Даллас.

Хищник жадно поглощал тунца, кивая над миской головой.

– Так что, Хищник, сегодня вы надерете кошкам хвосты? Хорошие парни одержат победу?

Уши котенка шевельнулись.

– Отпустит Рита дочку со мной на игру? – тихо спросил Эллиот. – Мы придем к согласию?

Роджер Уоллер и его жена владели самым вычурным домом в Хайленд-Парке. Эллиот почувствовал смущение, когда вечером припарковал там свою развалюху. Дороги в Далласе были забиты, хотя времени было почти восемь часов.

Сомневаясь в гостеприимстве, он оставил сумку в машине и подошел к двери. Когда он нажал на звонок, колокольчики прозвонили два такта из «Колоколов Святой Марии».

Дверь открыла Анни.

– Папочка! – завизжала она и бросилась к нему.

Довольный Эллиот схватил ее на руки.

– Как поживает моя девочка? – спросил он, и не успела она ответить, как он добавил: – Как же я соскучился!

Она уткнулась ему в плечо и удовлетворенно вздохнула.

– Я тоже, папочка.

Затем она выскользнула из объятий.

– Пойдем, я покажу тебе Барби, – позвала она и за руку потащила его в дом.

– Пойдем, – ответил он. – Дай мне минутку. Мне нужно поговорить с мамой.

Она остановилась и озадаченно посмотрела на него.

– Но...

– Только минутку, малышка Анни, – обещал Эллиот.

В дверях появился Роджер Уоллер.

– Эллиот, – поздоровался он, протягивая руку.

– Добрый вечер, сэр, – ответил Эллиот, пожимая руку. – Я как раз объяснял Анни, что должен поговорить с Ритой, прежде чем смогу посмотреть ее Барби.

– Боюсь, Риты сейчас нет дома, – сообщил Роджер.

– У нее свидание, – выпалила Анни.

Роджер хмуро глянул на Анни.

– Анна, не выдумывай. Беги наверх и поиграй. Папа скоро придет к тебе.

Анни без возражений отправилась наверх, что удивило Эллиота. Она остановилась наверху лестницы и громко прошептала:

– *Скорее*, папочка.

– Хорошо, малышка, – пообещал он и посмотрел на тестя.

Роджер пригласил Эллиота в кабинет.

– Давай выпьем кофе, Эллиот. Нам нужно поговорить.

На ночь Эллиот остановился в ближайшем отеле – «Марриотте», где заплатил за номер 120 долларов. Роджер сразу согласился, узнав об идее взять Анни на бейсбол. Удивительно, но Роджер на этом не остановился: он заявил, что Анни, наверняка, захочет остаться с отцом в субботу и снова пойти на аттракционы.

Когда Эллиот упомянул, что на игру у него три билета, а не два, Роджер сказал:

– Чудесно. Я, конечно, не могу говорить за Риту, но я думаю, что ты поздноватое решил действовать. Она как раз пошла на игру со своим старым другом из университета. Я полагаю, она пытается убедиться, что на тебе свет клином не сошелся.

Растерянный Эллиот промямлил:

– Спасибо, сэр.

– Не за что, – ответил тесть. – Я передам Рите, что ты взял Анну. Приходи завтра на обед – ты сам сможешь пригласить Риту на игру.

Так Эллиот и сделал. Теперь, сидя за столом с льняной скатертью тещи, он жалел, что не пригласил Риту и Анни в ресторан.

Мэриан как раз разложила по тарелкам креветочный салат в половинках авокадо, кресс-салат и небольшие горячие сырны галеты.

Эллиот пытался наколоть авокадо, чтобы порезать ножом, но кусок скользил по тарелке, пока не оказался в опасной близости от края. Он уже представил липкое пятно, которое останется на белоснежной скатерти Мэриан. Вместо авокадо он решил съесть зелень. Эллиот бросил взгляд на жену.

Ее волосы были невероятно красивого темно-рыжего цвета, а кожа бледной и совершенной. Сегодня под ее глазами появились синяки, а уголки губ то и дело опускались. Когда они впервые встретились, этот вид трагической уязвимости привел его к абсурдным ухаживаниям. И почему сейчас он чувствовал только раздражение?

Эллиот так и промучился весь обед за столом Мэриан, а Рита отказалась идти на бейсбол.

Игра оказалась не плохой, а Анни не так уж изменилась, чтобы не получить от нее удовольствия. Что касается Эллиота, для него существовало мало вещей более прекрасных, чем живой бейсбол. День был чертовски близок к совершенству: болельщики оставались на подьеме, а «Рейнджеры» выигрывали.

В дочери, однако, небольшие изменения все-таки произошли. Во-первых, она надела платье. Это был простой красный сарафан, но туфельки на плоской подошве прекрасно с ним сочетались. А еще у нее появилась сумочка.

Зачем, черт побери, ей сумочка? Раньше она довольствовалась карманами. Одна из домашних обязанностей Эллиота заключалась в опустошении карманов дочери перед стиркой – обязанность, которая появилась у него с тех пор, как Рита наткнулась на живого садового ужа в кармане вельветовых брюк. Это случилось после охоты за окаменелостями на Шоул-Крик. Когда он поднялся в комнату Анни, чтобы утешить, она призналась, что отвлеклась на трилобита и просто засунула змею в карман и забыла.

Она подняла на него облачно-серые глаза и спросила:

– Почему она так злится на меня, папочка? Это всего лишь ужик.

Но он находился в центре, видя ситуацию с двух сторон: как испугалась Рита, найдя в корзине для белья живую змею, и каким безосновательным этот страх выглядел для Анни.

Теперь он был чужаком, не зная, что чувствуют жена и дочь. И ему это не нравилось.

Анни следила за игрой даже больше, чем Эллиот. Она вскакивала с места, делала волну вместе со всеми, оставляя его в одиночестве среди подпрыгивающих тел.

Он уговорил Риту сходить с ним поужинать после того, как Анни отправилась спать. По совету Роджера они пошли в дорогой итальянский ресторан с чересчур романтической атмосферой.

Эллиот заказал креветки скампи, а Рита – пасту с баклажанами и грибами. Он наблюдал за знакомыми ему манерами: она сложила пополам салфетку, прежде чем положить на колени;

коснулась вина верхней губой, когда официант налил бокал на пробу. Он смотрел на нее, помня о каждой детали ее внешности, и думал: «Я ужинаю со своей бывшей женой».

Эта мысль приводила его в полное смятение, как в то время, когда он попал под обломки в небоскребе во время пожара, не понимая, где верх, а где низ.

– Я хочу, чтобы вы с Анни вернулись домой, – выпалил Эллиот, боясь, что сделал ошибку.

– По крайней мере, ты сказал «вы с Анни», – заметила она. – Полагаю, что должна быть благодарна.

Он вздохнул и был рад, что в тот момент официант принес их салаты.

Когда официант ушел, он сказал осторожно:

– Я пытаюсь понять, почему ты решила уйти. Но я хочу, чтобы наша семья снова была вместе. Прости, если сказал что-то не то.

– Я не могу вернуться домой, пока не пойму, что это правильный выбор.

– Почему нет? – спросил он. – Почему мы не можем вместе разобраться с этим? Толку было бы больше, разве нет?

Она покачала головой. Огонь свечей золотил ее волосы до цвета тлеющих угольков, и на секунду он увидел ее как прекрасную незнакомку.

– Я не могу, Эллиот, – возразила жена. – Разве ты не видишь – у меня не хватит мужества уйти снова. Так что я не вернусь, пока не пойму, что для меня это лучший выход.

– А что лучше для Анни? – спросил он.

Она спокойно посмотрела на него.

– Вот прекрасный пример, почему мне трудно с тобой разговаривать, Эллиот, – сказала она. – Ты такой самодостаточный, что, кажется, ничего тебя не волнует. Ничто не для тебя не имеет большого значения – возможно, за исключением Анни. Но точно не я. Это одна из причин, почему я ушла – я больше не могла обманывать себя, что между нами еще что-то осталось.

– Не части. Зачем столько слов? – Эллиот слабо улыбнулся.

Это была старая шутка, еще из тех времен, когда они познакомились, и он помогал ей с физикой.

– Помнишь, – спросила она, – как мы ходили завтракать после занятий? Мы сидели часами в кафе и не могли наговориться.

Он кивнул.

– Что случилось? Куда ушло это горячее желание делить себя со мной? Я бы очень хотела знать, Эллиот.

Он задумался, пытаясь отыскать ответ, который бы ее удовлетворил.

– Это... Мне кажется, это случилось потому, что твоя жизнь так отдалась от моей... что теперь даже глупо все это объяснять.

Рита серьезно кивнула.

– В твоих словах был бы смысл, если бы я представляла, какова на самом деле твоя жизнь.

– Что?

Он почувствовал, как разгорелась в груди старая обида. Она говорила на тайном языке женщин, который всегда заставлял его чувствовать, будто она видела мир в другом измерении – в том измерении, которое ему постичь не дано. Это было как разница между черно-белым зрением и цветным. Если ты не различаешь цвета, ты никогда не поймешь, о чем говорит человек, который их видит. Даже если очень стараться.

Официант принес заказ, и Эллиот попробовал креветку. На вкус как клейстер.

– Ты уходишь на работу, – принялась объяснять Рита, – а когда возвращаешься домой, появляется ощущение, что эти двадцать четыре часа вычеркнули из твоей жизни. Да, ты можешь рассказать мне что-то о делах на станции, например, как Лоеттнер пытался подставить тебя перед капитаном, но ты никогда не рассказываешь ничего реального. Если бы я не

узнала вмятину в каске в новостях в прошлом месяце, то так бы и не знала, что тебя лечили от отравления дымом.

Несправедливость упрека кольнула его с такой силой, что он закашлялся.

– Моя работа не всегда приятная и красивая, Рита. Я не расхаживаю по деловым обедам в рестораны. Чего ты хочешь? Чтобы я возвращался домой и вновь переживал весь этот хаос и грязь, с которым вынужден сражаться в силу профессии?

– Какой хаос? Я понятия не имею, что значит тушить огонь, – возмутилась она. – И это только один из примеров, Эллиот. Ты держишь между нами слишком большую дистанцию.

Он заглянул ей в глаза.

– Ты уверена, что это я держу дистанцию, Рита? Если дистанция в нашем браке и существует, это частично потому, что тебя все *устраивает*.

– Не стоит...

– И я чертовски уверен, что нашему браку не станет лучше, если я начну тащить всю тяжесть своей работы в дом. Поверь мне, тебе не захочется слушать это. Ладно, Рита, как ты себе это представляешь? Родная, сегодня утром я вынес из обгоревшего разрушенного дома троих мертвых подростков. Их кожа сгорела так сильно, что они выглядели как куски сырого мяса, обугленного по краям. А как прошел *твой* день, любовь моя?

Пальцы Риты задрожали. Она опустила голову, и Эллиот больше не видел ее глаз.

– Прекрасный застольный разговор, не правда же?

Рита бросила вилку.

– Я хочу домой, – заявила она.

Рита не разговаривала всю дорогу до дома. Ее молчание витало над ним, как жар горящего здания, которое вот-вот вспыхнет.

После того как он вернулся из Далласа, он принялся записывать поединки кошек в блокнот на пружине, который выбрал из всего многообразия школьных товаров. Вид всех этих тетрадок его угнетал. Рита уже наверняка записала Анни в одну из престижных частных школ Далласа.

Теперь он без труда мог различать кошек среди двух групп. Черный ферзь представлял собой крупную беременную кошку с зелеными глазами и длинной шерстью; черный слон был самцом, похожим на миниатюрную пантеру, с лоснящейся темной шерстью и аккуратными закругленными ушами, почти полностью прижатыми к голове. Знакомство с кошками облегчало понимание тактики.

Он принес со станции одну из больших карт с расчерченной сеткой территории двенадцатой части и расставил своих кошек-оригами в местах пожаров. Когда пожар брал над ними верх, Эллиот помечал место серебряной кошкой; когда им удавалось погасить огонь – он использовал черную. За несколько дней карта приобрела вид боевого построения.

Теперь он понял, что на самом деле они не играли в шахматы. Об этой игре напоминал лишь один нюанс – ритуализированное сражение. Но он мог использовать шахматы за модель, чтобы понять значение их конфликта. Эта карта поможет постичь их стратегию и в будущем предсказать следующий ход.

Сначала он отслеживал только активность пожаров после кошачьих боев на своей станции, но через неделю понял, что нужно учитывать пожары во всем городе.

Осталось сделать только одно: принести домой карты других станций и запастись бумагой для оригами.

Эллиот ужинал на крыльце, потому что стол был покрыт картами. Он предложил недоенный гамбургер Хищнику, который растянулся под любимом Ритиным лилейником. Хищник вежливо понюхал угощение, но отказался. В лучах солнечного света его черная шерсть

приобретала темно-синий оттенок. За последние недели он сильно подрос и больше не выглядел как котенок.

– Я не обижаюсь, – сказал Эллиот. – Нужно планировать покупки, вместо того чтобы есть эту гадость.

Но позже он так и не смог заставить себя составить список продуктов, а в последний раз, когда он отправился в магазин, поймал себя на том, что стоит в овощном отделе, пристально глядя на горы зеленого салата.

Темноглазая молодая женщина с ребенком в переноске на груди обеспокоенно на него смотрела.

– Сэр, с вами все в порядке? – спросила она встревоженным голосом.

Он поблагодарил ее и отпрянул, оставив наполовину заполненную тележку.

Поскольку Хищник отказался от гамбургера, Эллиот выкинул его в мусорное ведро, которое уже запахло. Он отнес мусорный пакет к обочине и оставил у дороги. Мусорные баки так долго оставались без присмотра, что кто-то их украл.

Стук в дверь разбудил его на следующее утро в шесть утра. Эллиот встал с дивана, на котором спал в последнее время, и потер лицо рукой. Стук раздался снова, на этот раз более настойчиво. Он открыл дверь в одних трусах.

Это был сосед через дорогу – как его звали? – профессор из университета, который водил «Сааб». Британец, чей акцент Рита всегда находила очаровательным. Скорее всего, он пришел жаловаться насчет газона.

Эллиот оставил попытки вспомнить его имя и начал диалог:

– Да?

– О, – радостно воскликнул сосед, – простите, что разбудил, но эти чертовы кошки снова рылись в помойке. – Он махнул рукой в сторону улицы. – Утром они раскидали ваш мусор по всей дороге. Пора бы уже их отловить и усыпить.

Эллиот сошел с крыльца и посмотрел на дорогу. Мешок был разорван с одной стороны, а мусор раскидан по всей проезжей части и вдоль водостоков. Вероятно, возмездие белых за то, что он кормит одного из их соперников.

Или они затеяли игру на безопасной территории черных.

– Вы видели кошек? Какого они были цвета?

– Нет, но уверен, что это были кошки. Собаки просто опрокидывают мешки, но если пакеты порваны, то это кошачьих лап дело. Их тут десятки слоняются.

– Да, я знаю. Две разные стаи. Они либо совершенно черные, либо полностью белые. Вот что странно.

Мужчина фальшиво рассмеялся.

– Вовсе не странно. В действительности они все из одной стаи. А на основании доминантных и рецессивных генов, отвечающих за окраску, если кошка не белая, то, значит, черная.

– Не понял, – сказал Эллиот.

– Это как двойное отрицание, – ответил сосед. – Если геном сообщает телу, что шерсть должна быть белой, тогда она будет белой. Но если код повторяет требование *дважды*, тогда уже включенный белый снова отключается. И вуаля! Черная кошка. Прекрасно приспособленная для того, чтобы перебегать дорогу перед врагом, или летать на метле, в зависимости от вашего вкуса.

– Почти как два минуса, которые дают плюс, – подметил Эллиот. – Вы это имеете в виду? Сосед – этот лживый обольститель чужих жен – выглядел озадаченно.

– Ну, не совсем так... – начал он.

– Ладно, – перебил Эллиот. – Я разберусь.

Эллиот вернулся в дом.

– Подождите... А вы мусор не хотите собрать? – спросил сосед. Эллиот захлопнул дверь, не ответив.

Тем вечером черный ферзь вернулся, приведя с собой новый помет пешек, и Хищник занял место ладьи.

Карта пожаров покрылась кошками-оригами. Их бумажные тела составляли сложный узор на сетке городских домов. Он не сомневался, что белые кошки выигрывали – пожары вспыхивали по всему городу из-за поджогов или случайных возгораний. А победа черных дарила временное спокойствие. И только после внезапного прекращения ужасных наводнений в Сан-Антонио в середине августа он понял, что сражения кошек были также связаны с более крупными, более значительными событиями.

Эллиот везде брал с собой блокнот, записывая новости, которые слышал или читал, и пытался сопоставить кошачий конфликт с внешними событиями. Да, схема крайне хитра, но она была очевидна для всякого, кто внимательно за ней следил.

Туи заметил блокнот и начал донимать расспросами, почему он вечно сидит над этими записями и больше не играет в шахматы и волейбол.

Эллиот не собирался обсуждать с ним свое открытие. Он доверял Туи, но в мире существовало слишком много хаотичных сил, чтобы раскрывать карты раньше времени. Перед ним открывались свидетельства вечного сражения: черные и белые шахматные фигуры, черные и белые шестиугольники на волейбольном мяче, черно-белая плитка на полу станции.

Он вносил в блокнот все свои наблюдения. После той партии, которая стоила белым второй ладьи, в Мехико наконец-то поймали трех мужчин, причастных к убийству в магазинах йогуртов. Когда белые отомстили, взяв черного слона, мексиканские власти отказались соблюдать американский закон об экстрадиции осужденных преступников.

Когда белые воспользовались преимуществом и напали на черного ферзя в короткой схватке, комитет отклонил предложение министра здравоохранения. Потом черные атаковали и красиво взяли оставшегося белого коня. И тогда была представлена компромиссная программа. Комитет проголосовал «за», и через неделю закон был принят.

И это еще не все: шестеро альпинистов погибли в лавине на итальянской стороне Альп; начался всплеск насилия в Восточном Остине; разгорелись лесные пожары в Калифорнии. После побед черных полицейский департамент объявил о том, что между бандами в Остине заключено перемирие, а шестнадцать объявленных погибшими подростков-туристов были спасены из горящего леса.

Рябь событий расходилась от его дома и жизни огромными кругами.

Эллиот купил пятидесятифунтовую упаковку кошачьего корма и принялся кормить всю стаю черных кошек. Его дом стал их безопасной землей, и он никогда не видел поблизости белых. Он построил за гаражом приют для черных кошек, полагая, что если они будут питаться лучше, чем соперники, то и выигрывать станут чаще. И каким-то образом их победа была связана с его собственной: отвоевать Риту, вернуть ее и снова стать семьей.

Пока что преимущество было крайне незначительным – большинство диких кошек являлись хорошими охотниками... Но придет зима...

На третью неделю августа он задумался, что произойдет, если он сам вмешается в сражение.

В следующую смену они стали запасной бригадой, которая отправилась в четырехквартирный дом в Дав-Спрингс. Когда они добрались, дым и языки пламени уже бушевали, но предыдущей ночью черные выиграли, поэтому Эллиот особо не переживал.

Старшим был Антонио Гарца.

– Есть пропавшие, – крикнул он им, прежде чем их машина остановилась. – Ищите и спасайте – шевелитесь!

Эллиот и Войт побежали к зданию. Гарца отправил остальных протянуть дополнительный рукав на второй этаж. Они направлялись прямо в огонь.

– Видал? Гарца не тряпка, – поддразнил Войт. – Он сразу прижмет это адское пламя.

– Это здание построено с соблюдением требований, – заявил Эллиот. – Чувешь разницу?

– Да-да, конечно. Для тряпки всегда есть разница.

Эллиот ждал возможности хорошенько поддать Войту и спросить потом, кого он назвал тряпкой. Сейчас на это нет времени. Но позже...

Они ворвались на второй этаж.

В квартире было полно дыма. Даже в кислородной маске Эллиот чувствовал гарь и копоть и ни черта не видел.

От жары его бросило в пот. Квартира полыхала, как в аду, но внутри было подозрительно тихо. Единственным звуком, что доносился до его ушей, было собственное дыхание и звук воздуха, поступающего через маску.

Эллиот провел три года во вспомогательной команде, прежде чем его повысили. Он всегда проводил поисково-спасательные работы, как учили в книгах, крадась вдоль стены, касаясь ее правой рукой и ощупывая пространство левой, не пропуская ни одной двери и ни одного отверстия. Кислорода хватит на пятнадцать минут. Далее придется возвращаться тем же утомительным способом, как и заходил. Убереешь руку от стены – заблудишься, а если заблудишься – умрешь.

В квартире становилось все жарче; воздух обжигал даже через защитный костюм. Такое ощущение, что его форменную футболку гладят раскаленным утюгом прямо на нем.

Проблема заключалась в том, что он не знал, когда жарко превратится в слишком жарко. Огненный хаос включал в себя множество факторов.

Скорее всего, пришла пора выбирать, но кислорода оставалось еще на несколько минут. Однако Гарца сказал, что есть пропавшие, а у него не было желания доставать из-под обломков обугленные останки или нетронутые огнем тела.

В столь густом дыму Эллиот ни в чем не мог быть уверенным, но ему казалось, что он находился в одной из спальных, когда наткнулся на шкаф. Зазоры в дверцах были заложены одеялом, и края его обуглились.

Эллиот забил огонь на одеяле и резко дернул дверцу. В течение секунды, пока дым не заполнил шкаф, он успел все разглядеть. Внутри, прижавшись к стенке шкафа, плакал ребенок лет восьми.

Эллиот схватил девочку, прижал ее лицо к своей груди и, пригнувшись, поспешил обратно, держась за стену левой рукой. Он взялся за рацию:

– Машина 12, нашел пострадавшую, выхожу. Требуется «скорая».

Девочка сильно кашляла и мучилась, повышая тем самым уровень адреналина в крови Эллиота. Сигнал оповестил его, что кислорода осталось на четыре минуты. Ему казалось, что он двигался на пределе возможностей, но адреналин придал ему сил.

И вскоре он увидел дверь.

Эллиот сильнее сжал ребенка и побежал, все еще нагибаясь как можно ниже, чтобы уберечь девочку от едкого дыма. Он сбежал по лестнице, пронесся мимо пожарных рукавов и бережно уложил ее на траву.

Девочка все еще кашляла, так что Эллиот понял, что она в нормальном состоянии. Подбежал парень из двадцатой бригады и прижал к ее лицу кислородную маску. Ребенок открыл глаза.

– Ты можешь дышать? – спросил парень. – Что у тебя болит?

Ее лицо было покрыто слоем копоти, и она с трудом дышала.

– Как тебя зовут? Ты здесь живешь?

Сигнал маски Эллиота перестал жужжать. Кислород закончился. Он склонился над ребенком и снял шлем. Девочка схватила его за руку и оттолкнула в сторону кислородную маску.

– Я думала, – выдохнула она, – что сгорю.

Она так сильно кашляла, что на глазах выступали слезы и смешивались с грязью на лице. Пожарный снова надел на нее маску, и на этот раз она ее не оттолкнула.

– Я слышала... приближение огня, – рассказывала она Эллиоту приглушенным за маской голосом. – Я звала и звала, но никто не приходил...

Он снял перчатки и взял ее за руку. Ее пальцы были ледяными из-за пережитого шока, но хватка – невероятно сильной.

– Я пришел, – ответил Эллиот. – Мы вытащили тебя. Теперь ты в безопасности.

И тогда он увидел Хищника. Тот залез на кислородный мешок и глядел на них с самодовольным видом.

За двенадцать лет службы в департаменте Эллиот ни разу не спасал из огня человека. Домашних животных – конечно, трупы – да, но живых людей – никогда. После появления пожарной тревоги, большинство людей просыпались и успевали выбраться из дома, прежде чем огонь становился опасным. Либо так, либо пожарные уже выносили мертвое тело.

Эта девочка оказалась умной и везучей. Достаточно умной, чтобы спрятаться в шкафу, когда не сумела выбраться из дома, и ей повезло, что они вовремя ее нашли. Но ребята говорили, что в этом заслуга Эллиота, и считали, что он должен требовать награду.

Когда закончилась смена, вся бригада настаивала отпраздновать событие. В итоге они отправились в бар на Бартон-Спрингс-Роуд, уселись всей своей шумной командой за полукруглой барной стойкой и по очереди покупали Эллиоту шоты импортной текилы.

Даже шеф Эдвардс заглянул и заказал всем по выпивке.

– Тост, – воскликнул он, поднимая бутылку с пивом в направлении Эллиота. – Франклин, не всем выпадает шанс показать себя. Сегодня ты продемонстрировал свою храбрость. Так что за Эллиота! За хладнокровного парня!

Все принялись кричать и хлопать Эллиота по спине. После пятого шота чувствительность в его горле исчезла, и пить стало легче.

Около четырех часов администратор бара подошла к ним и попросила немного успокоиться, потому что они мешали другим посетителям. В четыре тридцать она их выставила. Немного поворчав, все разошлись по домам.

Все, кроме Эллиота и Туи. Чтобы сесть за руль, Эллиоту нужно протрезветь.

– Скажи, Туи, ты не замечал в последнее время кошек?

– Ты о чем? – Туи складывал на столе из спичек бревенчатый домик с такой скрупулезностью, что стены казались выстроенными механически, а не вручную.

– На вызовах, – ответил Эллиот. Голос его звучал глухо и отдаленно. – На каждом пожаре были кошки. Черные и белые. И сегодня тоже.

– Да, я видел кошек. Они повсюду. А что в этом странного?

– Да то, что там всегда одни и те же кошки, Туи. Эти черные кошки, как силы порядка, всегда крутятся поблизости, когда мы хорошо справляемся. Или как сегодня, когда я вынес ребенка. А белые кошки – силы хаоса, всегда появляются на пожарах, которые нам не по плечу...

– Кошки хаоса, говоришь?

Туи так сильно рассмеялся, что на его лбу выступил пот. Когда Эллиот не присоединился к веселью, Туи постепенно взял себя в руки и оценивающе посмотрел на приятеля.

– Ты пьян, дружище. Пьян в стельку.

– Но, Туи, ты же сам сказал, что видел их. А помнишь белую кошку, которая расцарапала Войта? Она вышла из горящей квартиры...

– Ну и что? Кошки, они повсюду, – повторил он. – Да и я не против той животины, что желает подпортить Войту жизнь.

Официантка принесла гамбургеры.

– Перекуси, – велел Туи, – пока не начал снова нести эту чушь. У меня так котофобия начнется, мистер Герой.

К вечеру у Эллиота разыгралось жуткое похмелье, но он обещал Анни позвонить и выслушать ее рассказ об уроках танцев. Он не знал, как рассказать о сегодняшнем происшествии, чтобы не хвастаться, так что промолчал и просто слушал болтовню об Элизабет Лестерфилд, новой пачке для уроков балета, всех этих Барби, которых купил ей Роджер, и о том, как мама сказала, что они с Элизабет пойдут в одну школу.

– А ты не хочешь вернуться в школу в Остин? – спросил Эллиот, прежде чем она смогла остановиться. Затем добавил: – Нет, не отвечай, малышка. Я поговорю об этом с твоей мамой.

– Хорошо. Только, папочка...

– Да? – Вспышка надежды почти парализовала его. Может быть, она все-таки хотела вернуться домой.

– Ты не мог бы называть меня «Анна»?

– Конечно, милая, – выдавил Эллиот. Ему пришлось прокашляться. – Как скажешь.

– Тогда Анна, пожалуйста, – еще раз попросила она. Каждый звук ее голоса выворачивал душу наизнанку. – «Анна» звучит более величаво. Как думаешь?

Она вырастет такой же, как Рита – падкой на вещи и жаждущей внимания. Он понял это в четверг по дороге на работу. Эллиот упустил шанс помириться с Ритой, и эта неудача теперь испортит Анни. Она вырастет, покоробленная куклами Барби. Барби и бесконечными наставлениями Уоллеров о необходимости быть хрупкой и хорошенькой, а не самодостаточной и сильной.

Эллиот приехал на работу около половины двенадцатого и не смог вовремя сменить Дурхама, однако никто и не жаловался.

На этой неделе готовил Туи. Он сделал свои знаменитые красные бобы с рисом, так что все обедали вместе. Разговоры крутились вокруг спасения девочки и предстоящей награды. Васкиз вырезала из газеты статью с фотографией, на которой он склонился над маленькой девочкой, сжимая ее руку. Она даже приклеила эту статью на кусочек картона и заламинировала.

Васкиз предложила ее Эллиоту со словами:

– Для твоего альбома, Франклин.

Он был тронут и смущен.

– Спасибо. – Он не мог придумать, что сказать, но Васкиз, похоже, и не возражала.

– Ну что, лейтенант, – обратился Петерсон с легкой ноткой сарказма. – Каково быть героем?

Эллиот пожал плечами и уткнулся в бобы. Даже стряпня Туи его не привлекала. Ничто его больше не радовало.

– Поговори с нами, дружище, – просил Петерсон. – Скажи нам, каково чувствовать себя героем – спасти ребенка и знать, что она будет жить благодаря тебе?

Эллиот оглядел товарищей за столом, надеясь на помощь. Все смотрели на него, ожидая его слов. Даже Туи. Эллиот прочистил горло.

– Это странно.

– Странно быть героем? – удивился Петерсон. – Да ладно, лейтенант!

Все молчали и ждали.

– Она сказала, что слышала, как приближается огонь. Она звала на помощь, но никто не пришел. Я все думаю... – Он взял паузу и оглядел стихших коллег. – Я все думаю, как просто все могло пойти по-другому. У меня кончился кислород – а что, если бы я повернул назад чуть раньше? Что, если бы огонь добрался до нее, прежде чем я успел надеть новую маску и вернуться?

Лица вокруг стола стали серьезными, и никто не встречался с ним взглядом.

– Я думаю, – продолжал он, – мы обречены на поражение. У хаоса больше сил, чем у порядка, – так устроена вселенная. Против нас играют краплеными картами.

Никто не шевелился и не говорил.

А потом Туи нарушил тишину:

– Эй, ребята, ешьте. Еда остывает. Или вам не нравится моя стряпня?

Как только возобновилась обычная болтовня, Эллиот выскользнул из столовой. Он направился в комнату отдыха, сел на койку и уставился на шкафчик. Все ускользало от него. Анни пойдет в школу в Далласе, и Рита скажет, что они не могут вернуться, пока не закончится учебный год. Они будут иногда приезжать на выходные, если он не будет в это время работать.

Анни быстро забудет. Дети всегда забывают. Она забудет охоту за окаменелостями в русле ручья, забудет о купаниях в ледяной воде Бартон-Спрингса каждым летним утром. Любовь к бейсболу испарится из ее памяти, как вода с горячего тротуара.

А Рита? Он с трудом ее узнавал.

Кто-то открыл дверь позади него. Эллиот не оборачивался.

– Эй, Франклин!

Это был Войт. Он зашел и уселся на соседнюю койку, лицом к Эллиоту.

– Ты славный парень, Франклин. Мне не стоило называть тебя тряпкой.

– Это не важно.

– Просто хотел сказать тебе это.

Войт, однако, не уходил. Через минуту он добавил:

– Туи сказал, что старушка бросила тебя и забрала дочку.

Эллиот ничего не мог с этим поделать; его передернуло.

– Дружище, – проложил Войт, – я знаю, это трудно. Прошлым летом я сам оказался в подобной ситуации, помнишь? Я бы не подкалывал тебя, если бы знал, через что ты проходишь. Я знаю, как это тяжело. Наши семьи, парень, – это самое главное. Когда жена ушла, я почти пропал. Я уже думал о том, чтобы взять ружье и выбить себе мозги.

Эллиот отдал бы все на свете, чтобы Войт замолчал, но не мог найти слов.

Войт водил пальцем между кирпичами на стене комнаты.

– Потерпи немного, приятель. Сейчас ты думаешь, что надежды нет, но подожди и увидишь, как все изменится. Дела пойдут неважно в Далласе: сломается машина или новый парень бросит ее – любое ничтожное изменение, и бац! Она вернулась. Так случилось со мной. И нам со старушкой еще никогда не было так хорошо вместе.

Эллиот посмотрел на него.

– Что ты сказал?

– Нам с женой никогда...

– Нет, перед тем – про ничтожное изменение.

Войт пожал плечами.

– Это та самая хаотичная ерунда, о которой ты говорил. Ну, дела пойдут неважно, и что-то изменится... Потому что всегда что-то меняется. А когда это произойдет, она вернется.

Эллиот изумился. Он так боролся, чтобы сохранить порядок – теперешний порядок – что не замечал изменений. Теперь все заключалось в том, что Рита и Анни жили в Далласе.

Войт хлопнул Эллиота по плечу.

- Держись, приятель. Что-то обязательно переменится, и тогда все перевернется.
- Внезапно раздался голос диспетчера:
- Сигнализация на Монингсайд, 2385. Пожар в квартире.

Они стали запасной бригадой. Весь верхний ряд квартир оказался в дыму. Эллиот не понимал, что происходит. Пожарные шланги тянулись вверх по лестнице, но он никого не видел, не слышал ничего по рации, не знал, что делают люди.

- Кто за главного? – прокричал Туи, когда они остановились. – Какие будут приказы?
- Никто не отвечал.

- Тяните рукав, – велел Эллиот, выпрыгнув из машины.

Войт и Васкиз спрыгнули, и все троем они побежали к лестнице.

Водитель шестнадцатой машины с фамилией Рейнольдс на куртке помогал женщине в купальнике и шортах. На обнаженных плечах виднелись большие пузыри, а волосы с одной стороны были опалены. Она выглядела обезумевшей. Темные глаза были широко распахнуты. Рядом стояла девочка лет двенадцати-тринадцати.

Рейнольдс потряс женщину.

- Мэм, вы должны сообщить нам квартиру. Мы ищем, но где, по-вашему, он может быть?

- Ты за главного? – спросил его Эллиот. – Каково положение дел?

Рейнольдс даже не посмотрел на него.

- Его не было с вами. Где нам искать?

Девочка ответила:

- Мы не знаем. Он всегда прячется, да, мам?

Женщина теперь рыдала беззвучно, рот ее широко и беззвучно открывался в крике. Нити слюны висели между зубами.

Эллиот посмотрел на девочку.

- А где он обычно прячется?

- Он любит забираться в кладовку. Иногда тайком убегает к Томми поиграть в видеоигры.

- В какой квартире живет Томми? – спросил Рейнольдс дрожащим голосом.

Девочка покачала головой.

- Не знаю. Мы только недавно переехали. Он мне не говорил. А на прошлой неделе я нашла его на другом конце дома в прачечной...

– Мы найдем его, – обещал Эллиот. – Бригада 12 берет командование на себя. Васкиз, обыскивай все квартиры на этаже – пропал маленький мальчик, который любит прятаться. Поняла? Возьми рацию. И проверь все шкафы. Войт, вперед.

Ему следовало отойти и ждать приказа, но, похоже, шестнадцатая даже не установила ответственного. Когда они с Войтом поднялись по лестнице, он понял почему – командующий бригадой лейтенант лежал без сознания и без шлема. Все волосы на лице опалились, а дыхание было затруднено.

Васкиз стояла возле Эллиота и Войта. Эллиот приказал им отнести лейтенанта вниз и передать врачам, а сам направился вдоль спутанных шлангов внутрь.

Один из пожарных шестнадцатой бригады заливал водой квартиру.

- Что случилось с вашим лейтенантом? – прокричал Эллиот.

Парень не оборачивался.

- Он выбил дверь, не надев полностью костюм. Думаю, огонь вдохнул. Но Рейнольдс вытащил его, а мне нужна помощь. Ты можешь передать им, чтобы подняли давление в рукаве?

- Сукин сын, – ругнулся Эллиот.

Он включил рацию и запросил у диспетчерской «скорую» и подкрепление, всматриваясь сквозь клубы дыма и пара и пытаясь представить масштабы бедствия. Похоже, пожар начался на кухне, и прогорел через потолок на чердак. Такие дома строились в восьмидесятых годах во

время бума – скорее всего с нарушением технологии и неэффективными противопожарными стенами. Вода, которую лил этот парень, выталкивала огонь на чердаки других квартир.

– Сейчас вернусь, – крикнул Эллиот.

Он побежал к следующей двери, чтобы оценить распространение огня и попросить Рейнольдса протянуть больше шлангов. Рейнольдс все еще разговаривал с той женщиной. От этого болвана не было никакой пользы.

Соседняя квартира вся почернела от дыма; Эллиот подбежал к следующей и выбил ногой дверь.

Хищник ждал внутри в напряженной стойке. Как только он увидел Эллиота, то сразу замяукал.

– Значит, здесь нужно тушить? – спросил Эллиот, оглядываясь. Легкие клубы дыма струились из вентиляционного отверстия.

Кажется, положение вещей в этой комнате должно измениться.

Что он сказал товарищам за обедом? Что они обречены на поражение? Что ж, теперь появился способ это исправить.

На мгновение он увидел ребенка, совсем маленького мальчика с темными круглыми глазами, прячущегося где-то, слушая, как к нему приближается огонь.

– Нет.

Эллиот потряс головой, отгоняя видение. Нет, этот мальчик был где-то в другом месте, сидел на дереве или играл в видеоигру. Картинка поблекла и превратилась в Анни, которая сжала губы на Ритину манеру со словами: «Пожалуйста, зови меня Анной».

– Основная бригада, прием. Дополнительный рукав протянут, – сообщил Туи.

– В трех обысканных квартирах мальчика нет, – серьезным голосом откликнулась Васкиз.

– Мальчишка куда-то убежал, – ответил Эллиот.

Войт подбежал к Эллиоту, чуть не споткнувшись о Хищника.

– Что нам делать?

Эллиот опустил взгляд на кота, который выжидающе на него смотрел.

– Пора менять тактику, – тихо сказал он. – Прости, приятель, но белая пешка бьет черную ладью.

– Что? – закричал Войт. Пот струился по его лицу под стеклом шлема. – Каков приказ?

Эллиот взял его за руку и вытолкнул на лестничную площадку.

Позади Войта Эллиот увидел женщину и дочь, прижавшихся друг к другу внизу лестницы. Лицо женщины было обезображено, и он видел, как трясутся ее плечи, но белый шум бегущей воды заглушал все звуки.

– Будем тушить, – крикнул он, на этот раз громче.

Войт посмотрел на него с недоверием и покачал головой.

– Что?

– Тяни рукав вперед, – прокричал Эллиот, указывая на вход в первую квартиру. – Прижмем убудка!

Лицо Войта посветлело. Он схватил шланг и нырнул в дым.

Эллиот обернулся в поисках Хищника, но кота нигде не было. Он догадывался, что скоро появится один из белых. Но ему пора взять на себя командование, поскольку тушить придется долго.

Эллиот повернулся и медленно отступил к лестнице, глядя на расстилающийся хаос.

Гейхэн Уилсон

Гейхэн Уилсон родился на Среднем Западе, который, по его уверениям, является самой странной частью США, своевременно переехал в Нью-Йорк и с тех самых пор жил в разных местах на восточном побережье от Ки-Уэста до Бостона.

Наибольшую известность Уилсону принесли карикатуры, но он также является мастером в написании ужасов. Его карикатуры, которые в настоящее время появляются в основном в «Плэйбое» и «Нью-Йоркере», за многие годы составили собрание из более 20 книг. Он написал и проиллюстрировал многие детские книги, парочку отдельных мистических романов и несколько антологий, одна из которых стала собранием его собственных рассказов, опубликованных в различных журналах и книгах, таких как эта. Он есть и (если фортуна улыбнется) продолжит быть активным в различных кино- и телекомпаниях. Недавно Уилсон был награжден премией Ассоциации писателей хоррора за прижизненные достижения и премией «живая легенда» Международной гильдии ужаса.

В «Добрых друзьях» рассматривается необычный симбиоз двух видов.

Добрые друзья¹⁰

Вот опять «ГОСПОДЬ ЛЮБИТ ТЕБЯ» – до смерти, дорогая! Всегда забываешь, как глубоко и совершенно тебя любят.

Что за прелестная, скажу тебе, абсолютно прелестная шляпка.

Ну не гадкий ли, прямо убийственный дождь? Бедняжка Маффин прямо вся из-за него извелась. Сидит печально у окна и смотрит на эти глупые капли, что хлопаются о террасу, и ну ни слова не желает слушать, когда я пытаюсь ее приободрить.

Вот мы и на месте.

Остановитесь здесь, водитель. Здесь! У того маленького зеленого навеса с толстым швейцаром, черт побери! А теперь мы проехали. Сдачу можете оставить себе, хотя вы этого и не заслуживаете.

Господи, совершенно невозможно поверить, какой сброд сегодня водит такси. Ты видела, какой дрянной взгляд он на меня бросил? Эмигрант поганый. У него, наверное, в багажнике все причиндалы для какой-нибудь идиотской бомбы, взрывчатка, вываренная из навоза наших коров или из чего там еще они ее делают, если верить газетам. Думаю, нам следует благодарить небо, что настоящая взрывчатка этим поганцам не по карману.

Да, Господи Иисусе, пойдем поскорей внутрь, пока мы обе не промокли до нитки.

Ах, дорогая, ну вот, теперь, когда мы вошли и я увидела, что тут творится, я, право, уже жалею, что предложила тебе этот ресторан. Боюсь, он стал слишком модным. Ты только посмотри на этих ужасающих людей, Господи помилуй! Ты хоть кого-нибудь из них знаешь?

Бог мой, ты видишь, какая у нее прическа?

У меня совсем вылетело из головы, что об этом месте уже стали писать в газетах. Кто был с кем, и где они сидели, и что ели, и хорошо ли это было приготовлено, и глядели ли они друг на друга влюбленными глазами, и занялись ли любовью под конец дня?

Самое время, чтобы кто-то появился о нас позаботиться.

Да, здравствуйте, Андре, и я рада вас видеть. Да, много времени прошло. Немало. Да, тот стол нас вполне устроит; вы ведь помните, что он один из моих любимых. Я сяду у стены, а мисс Турнье сядет на стул. Спасибо, Андре.

Как будто он посмел бы предложить неподходящий стол, дорогая. Пусть только попытается, вот увидишь, как пух во все стороны полетит, и можно подумать, он этого не знает!

Господи, как время летит! Мы ведь целую вечность не виделись, правда? А теперь ты ну просто должна рассказать мне все. И ничего, слышишь, ничего не утаивай. Например, это ведь ты его оставила? Правда? Я имею в виду Чарльза.

Молодец! Я так и знала, что со временем ты одумаешься. Ну, просто знала. Ты разумная девушка, Мелани, милочка. Всегда такой была. И плевать мне, что они там говорят.

Да, Жак. Добрый день. Да, я закажу как обычно, но не знаю, на что решится мадемуазель Турнье. Чего бы тебе хотелось, милая? Кир-роял. Слышите, Жак? Нет, меню, думаю, мы попросим потом. Но все равно спасибо.

Просто ушам своим не верю. Ты это видела, милая? Ты видела, как он ну просто навязывал нам это проклятое меню? Правда-правда, здесь теперь все равно что заплеванная греческая забегаловка. У меня такое чувство, будто я сижу у сальной стойки с работягами, Господи помилуй. И не успеешь оглянуться, как обслуга станет расхаживать в подтяжках или, еще того хуже, в передниках. Это уж слишком! Правда-правда!

---

¹⁰ “Best Friends” © Copyright 1996 by Gahan Wilson. © А. Комаринец, перевод на русский язык.

Ну все, хватит об этом. Это не стоит нашего времени, давай перейдем к тому, что действительно что-то значит. Так что произошло с Чарльзом? Ты сделала это по собственному почину или пришлось вмешаться Цисси?

Ну и молодчина же ты! Сделала все сама, душечка? Как же, наверное, гордилась Цисси. Он тебя не стоил, милая, но ты это и сама, конечно, знаешь. Совершенно чудесно, я тебе скажу, что ты наподдала под зад этому дерьмовому ублюдку.

Хотелось бы мне сказать, что я так же управилась со всем тем, что было между мной и Говардом. Думаю, ты кое-что об этом слышала, почти все, кажется, знают. К сожалению.

Разумеется, история была крайне неприличная. Обычно я довольно хорошо умею разрубать запутанные отношения, ты сама знаешь. Но не в этот раз. Боюсь, бедный Говард и впрямь забрался мне в душу. Что правда, то правда, он был моей слабостью.

Господи, ты это слышала?

Ты слышала, как я такое говорю?

И вправду бедный Говард! У меня до сих пор слабость к этому сукину сыну или была бы, будь он еще жив. Пора взглянуть правде в глаза, пройдет еще пару месяцев, прежде чем мне удастся перестать думать о нем. Определенно месяцев. Можешь мне поверить.

Эти его печальные глаза, ну, всегда, всегда заставляли меня растаять. Я просто ничего не могла с собой поделать, какую бы непростительную, паршивую гадость он ни выкинул, эти проклятые печальные глаза всегда глядели мне прямо в душу. Всегда, черт побери! Правду сказать, он был совсем как приبلудный щенок.

Как бы то ни было, когда Маффин увидела, что я в затруднении, она немедленно пришла ко мне на помощь и враз со всем покончила. Она была чудесна, разумеется, просто неподражаема.

Честно говоря, тебе, правда, стоило поглядеть на выражение лица Говарда. Говорю тебе, это было как из фильма «Крик». Думаю, я никогда не видела такого полного и абсолютного потрясения.

И никаких тогда уж печальных взглядов, милая, – у него просто времени не оставалось ни на что, когда Маффин бросилась на него как будто со всех сторон, просто превратилась в белое расплывчатое пятнышко. А Говард – сплошные выпученные глаза, оскаленный рот, и руками машет во все стороны в попытке от нее отмахнуться!

Удивительно, ну просто невероятно то, что на самом деле она так ни разу и не коснулась этого ублюдка! Не оставила на нем ни царапинки, ничего, что могло бы навести кого-то на какие-то мысли.

И это было так забавно, понимаешь, потому что я ну совершенно точно знала, к чему она клонит. Словно смотреть фильм по ночному каналу, который ты уже видела в кинотеатре.

Она так ловко им маневрировала, дорогая! Она просто загоняла его, словно чудненькая маленькая овчарка. От самого бара, по ковру в гостиной, на террасу, а там он перевалился на перила и со всего маху – и с каким грохотом! – плюхнулся прямо на крышу такси, припаркованного у нас под окнами.

Могу только надеяться, что водитель был вроде того тупицы, что вот только что не смог найти ресторан, честно-пречестно. Крыша такси от удара прогнулась, а жалкий огонек на крыше замигал, завертелся, будто желтая лампочка на рождественской елке. А Говард, ну он, раззявив рот, все паялился на меня, из обломков.

Конечно, теперь его печальный вид сыграл мне на руку, душенька. Это было мило, уж поверь мне. Полицейские поспрашивали в округе и узнали, каким всегда бедный Говард был мрачным, каким депрессивным, и, разумеется, они поняли, как я всегда старалась подставить ему плечо, какая я всегда была чуткая и отзывчивая, и вот вердикт: смерть в результате самоубийства!

Если бы только все в жизни проблемы разрешались так легко.

Так что с романом было покончено. И Говардом тоже. С возмездием покончено. Покончено раз и навсегда. Благодарение Богу, что у меня есть Маффин, вот и все, что я могу сказать.

Нам ведь так повезло, правда?

О черт, вот снова идет Жак со своим треклятым меню. Ты уверена, что тебе по силам, дорогая? Ну ладно. Тогда хорошо. Если уж на то пошло, мне и вовсе не нужна эта чертова папка, я и так в точности знаю, чего хочу. Я закажу белокорого палтуса на гриле, Жак, с вашим чудным горчичным соусом. Вы знаете, о каком я говорю.

Что ж, если его, случаем, нет сегодня в вашем драгоценном меню, уверена, что ваш шеф его приготовит, вы ведь ему – это передадите? А ты не хочешь попробовать палтуса, дорогая? Хорошо. Тебе он понравится. И бутылку старого доброго «Мэрсо», Жак. Съешь какой-нибудь салат, дорогая? И вкусный салат, Жак. Да, для нас обеих. Конечно, для нас обеих. Что-нибудь легкое, разумеется. Спасибо, Жак.

Маффин так до конца мне еще и не простила это мое прегрешение. Боюсь, ее дурное настроение нельзя отнести только лишь за счет дождя, но я ее не виню. В конце концов, не прошло еще и трех недель с тех пор, как это случилось, и к тому же она уже начинает смягчаться. Она даже подарила мне довольно нежный взгляд сегодня утром, прямо перед тем как я ушла из квартиры, чтобы встретиться с тобой. Надеюсь, мы помиримся. Мы с Маффин всегда миримся.

Разумеется, есть и такие, кто на это не способен.

Ты ведь слышала о Мэдди и Кларе.

Как, правда не слышала? Бог мой, да где же ты была, милочка? Я думала, это известно всем и каждому. Ну да, конечно, ты была на юге Франции. И утреннюю «Пост» ты сегодня тоже, очевидно, не читала.

Ну, я не думала, что мне придется об этом говорить, но лучше я введу тебя в курс дела прежде, чем рассказывать о вчерашней ночи. Потом я расскажу, что, по-моему, нам нужно сделать.

Если уж на то пошло, мы абсолютно точно должны это сделать, и я уверена, ты со мной согласишься, как только узнаешь всю историю.

Право, мы должны это сделать.

Так вот, бедняжка Мэдди, похоже, по уши влюбилась в одного человека, которого она повстречала на каникулах в Рио прошлой зимой. Эта бедная дурочка втюрилась в него совершенно и безнадежно и не могла этого пережить, сколь бы ни старалась. Прямо поглупела из-за него, дуреха несчастная, будто восторженная школьница.

Боже, ты бы видела их вдвоем, это было ужасно. Просто ужасающе глядеть, как взрослая особа вроде Мэдди глаз не сводит с совершенно ординарного мужичонки, а на лице у нее ну просто невероятное обожание. Не могу не сказать, от этого просто тошнило. Сблевать хотелось на них обоих.

Клара довольно долго со всем этим мирилась. Кто угодно скажет, что она действительно крайне терпима и очень, ну очень отзывчива, но этот чертов роман все тянулся и тянулся, и Мэдди все глубже и глубже увязала в нем, точно в болоте. И становилось все более очевидно, что терпение Клары на исходе, и, разумеется, мы все уже начали волноваться из-за того, что она может натворить.

Нам всем известно, что давить на них можно лишь до определенного момента.

Мэдди позвонила мне спросить, не можем ли мы выпить чаю у Пьера, ты это место знаешь, такая чудная забавная чайная с *trompe l'oeil* стенами и потолком? Сказала, что хочет поговорить со мной о происходящем, и, разумеется, я ухватила за такую возможность, потому что, как и всем нам, мне до смерти не терпелось узнать все грязные подробности.

Бог мой, бедняжка была так бледна, так напугана. Страшно видеть хорошенькую женщину в таком смятении, как, по-твоему? Я хочу сказать, она на самом деле то и дело закусыва-

вала губу и кусала пальцы, во имя неба! И ее глаза так и рыскали, не переставая, по балкону вдоль стены, по лестнице, она все бросала быстрые ищущие взгляды на пол и на двери.

Не ней было платье с длинными рукавами, а не в обычае Мэдди носить длинные рукава. Кто с такими, как у нее, прекрасными руками станет носить длинные рукава, да еще в самую жару? Она, наверное, заметила, что я заметила, потому что после того как она окончила обыскивать глазами чайную, она положила руку на стол, а потом, оттянув длинный рукав, показала мне пересекающиеся белые повязки и страшные гадкие красные царапины под ними.

Она уставилась на эту свою руку с такой чудно яростной миной – ну прямо из «Медеи», уверяю тебя – и сказала, нет, даже прошипела потрясаяще, по-кошачьи: «Это меня расцарапала Клара! Шрамы останутся навсегда!»

Тут она прямо-таки дернула рукав вниз, закрывая все эти повязки, пластыри и шрамы, и заговорила, и говорила, и говорила о том, как нечестно ведет себя Клара, и как она, Мэдди, не намерена больше с этим мириться, и как она, взрослая женщина, может делать что пожелает, и все такое, в общем, гора обычного утомительного мусора.

Я сделала то, что делают в таких ситуациях: дала ей выговориться, пока она не устала, а потом попыталась вразумить ее. Напомнила, скольким она обязана Кларе, скольким мы все обязаны нашим дорогушам, я даже дошла до того, чтобы жестоко спросить, прямо так по-английски и безо всяких экивоков, как она намерена жить, если она действительно оставит Клару ради этого человека, которого повстречала в Рио.

«Я хочу сказать, он что, богат, милочка? – спросила я ее. – Он настолько богат?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.